



# ЖЗВ

ИЛлюстрированный  
ЖУРНАЛЪ  
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 38

Выходить еженедельно (52 № в год), съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 24-го сентября 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 42.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1905 г.** Съ приложениемъ **40 КНИГЪ** „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ: и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

**М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

**А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.**

Безъ достав-ки въ Петер-бургъ . . . **6 р. 50 н.**

Безъ доставкы въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. И. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія дивн. **7 р. 25 н.**

Безъ доставкы въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12. **7 р. 50 н.**

Съ достав-кою въ Пе-тербургъ . . . **7 р. 50 н.**

Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи. . . **8 р.** За гра-ницу. **12 р.**

## Испорченная натура.

Повѣсть  
Кн. М. В. Волконской.  
(Продолженіе).

Начальница, видимо важная дама, затянутая въ крѣпкій, высокій корсетъ, въ красиво-сшитомъ платьѣ, изрѣдка, для декорума, медленно картинно крестила свою высокую грудь, хотя и была лютеранка; классныя дамы, умышленно стоя позади классовъ у стѣны, чтобы ихъ не было видно, усталю-недовольно приклонили головы къ этой стѣнѣ и стояли, или опустивъ глаза, въ разсѣянномъ молчаніи, или изрѣдка, шопотомъ, о чемъ-то переговаривались.

Отъ ладана, жары, скуки, изъ шалости и чтобы исполнить данное подругамъ въ веселую минуту обѣщаніе, нѣкоторымъ дѣвочкамъ начало дѣлаться дурно, и съ страшнымъ, безокойнымъ шорохомъ дѣтей стали выводить другія дѣти изъ церкви, и потомъ тихо, съ освѣженными лицами, возвращались назадъ на свои мѣста. Вывели и одну пѣвчую. Вслѣдъ за ней сдѣлалось дурно и Анюткѣ, грохнувшейся неожиданно на полъ. Ее вынесли. Подруги ея и вообще воспитанницы, стоявшія возлѣ нея, чуть не лопнули со смѣха, но классныя дамы, кромѣ «Евгеніи Лексанны», послѣдовавшей за Даниловой, и другія дѣти остались безучастными, и только начальница, постоявъ въ первую минуту спокойно и величественно, стараясь сдѣлать это незамѣтно, вышла изъ церкви, прошла въ лазаретъ, куда вели и несли «обморочныхъ» и, отыскавъ красную отъ натуги, смѣха и страха Анютку, выбрала ее.

Анютка захныкала, увѣряя, что ей, правда, сдѣлалось худо, но когда начальница, обойдя блестящей чистой



Материнская любовь. Картина Софіи Конеръ, гравир. Фальшееръ.

и паркетнымъ поломъ лазаретъ, окинувъ находящихся въ немъ больныхъ своимъ «всевидающимъ» глазомъ и отдавъ нѣсколько начальническихъ распоряженій, плавно красивой походкой вышла. Данилова 2-я соединилась съ пѣвчей и узнала отъ нея интересующую ее новость: батюшка опоздалъ, такъ что воспитанницы были уже готовы, и дверь не пришлось запираеть... Дѣло заключалось въ томъ, что шкапная, гдѣ хранились праздничныя платья дѣвочекъ, помѣщалась рядомъ съ ризницей, пройти въ которую надо было черезъ шкапную. Часто священникъ приходилъ настолько рано, что воспитанницы не были еще готовы.

Всеношная, между тѣмъ, быстро близилась къ концу, Романоглѣбскій былъ, видимо, не въ духѣ и съ суровымъ видомъ служилъ еще торопливѣе обыкновеннаго.

Предъ отпускомъ онъ вышелъ на амвонъ, сталъ лицомъ къ молящимся и сказалъ краткое слово на библейскій текстъ: «ближніе возсташе на меня».

Вся церковь зашуршала, ожила; начальствующія переглянулись между собой; переглянулись и воспитанницы, и жизнь, жизнь, какая бы она ни была, но жизнь, полная страстей, борьбы, зла; жизнь, не декорація, дохнула на присутствующихъ.

Нѣкоторыя классныя дамы, поклонницы «батюшки» (были и такія), прослезились. Начальница мрачно насупилась. Экономъ, старавшійся держать себя вдали затѣянной попечителемъ исторіи, сталъ багровымъ, какъ передъ апоплексическимъ ударомъ... Воспитанницы постарше потупились, смущенно хихикали и переминались съ ноги на ногу... Только одна служащая, Софья Николаевна Концова, приближившаяся съ своимъ классомъ къ проповѣднику, чтобы лучше слышать его слово, пристально глядѣла на него веселыми, хитрыми, живыми глазами и, когда онъ, намекая на своего врага, женщину, въ пріютѣ, кончилъ обличеніе словами: «волосъ дологъ, да умъ коротокъ», она тихо подняла руку и, глазами указывая батюшкѣ на его голову, стала водить рукой отъ своего лба къ плечу и опять отъ лба къ плечу.

Священникъ взглянулъ на нее, опустилъ гнѣвные глаза на стриженныя головы ея класса и... сдѣлавъ пастѣвъ обгнанный священнической поклонъ, круто повернулся и ушелъ въ алтарь.

На слѣдующій день, утромъ, все было доложено попечителю, и борьба вступила въ новый, еще болѣе острый фазисъ.

## II.

Три мѣсяца тому назадъ, попавъ въ пріютъ, Анютка сразу стала къ нему въ какое-то воинственно-оборонительное положеніе. Все въ немъ не нравилось ей: не нравилась «простая, но здоровая пища», какъ рекомендовалась пріютская ѣда въ отчетахъ, не нравились холстинковыя форменныя платья и передники, не нравились «козловыя», вонючіе башмаки и длинныя «пѣлты» на байкѣ, а главное не нравилось ученье: грамота и шитье, и еще недостатокъ свободы. Кромѣ того, не нравилось и то, что, какъ нѣкогда у Гогольцевыхъ, только тутъ еще сильнѣе, чѣмъ тамъ, она сразу почувствовала ту грань, которую люди кладутъ между ею и ей подобными, и господами благотворителями, благотворительницами, начальницей, классными дамами и пр., и такъ же, какъ у Раисы Павловны, но только гораздо сильнѣе и уже не глухо и молча, но на словахъ, дѣвочка стала возмущаться этой гранью. Вдобавокъ, мысли ея все больше спутывались, сматывались въ какой-то узловатый клубокъ и все больше клали своеобразный отпечатокъ на ея душу. Она постоянно слышала теперь, знала, что почти ни одна дѣвочка не была дочерью тѣхъ родителей, которые значились у нея въ бумагахъ, разныхъ поваровъ, лакеевъ, швейцаровъ,

горничныхъ, кухарокъ и прачекъ, а почти всѣ дѣвочки происходили или говорили, что происходятъ, отъ генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ, графовъ, князей, а иногда и отъ графинь, княгинь, генеральшъ и вообще барынь, которыя только по разнымъ обстоятельствамъ не могли открыто признать ихъ своими дѣтьми. Тутъ Анютка припомнила и свое фантастическое происхождение отъ гусарскаго ротмистра Авдѣева и уже безъ принужденія и подачекъ сама стала хвастаться и рассказывать отъ отцѣ—щеголъ-гусарѣ.

Въ душѣ ея, впрочемъ, гдѣ-то глубоко и далеко шевелилось воспоминаніе о пьяномъ старикѣ-солдатѣ, съ вспухлымъ и отмороженнымъ лицомъ и толстымъ носомъ, покрытымъ сѣткой синихъ, лиловыхъ и красныхъ жилковъ, вспоминалась сторожка, сѣрая солдатская грязная шинель съ недостающими пуговицами и толстыми сѣрыми короткими нитками вмѣсто нихъ, вспоминался и особый тяжелый запахъ старика... Но этотъ образъ настоящаго отца давилъ ее, какъ комаръ; она стыдилась своихъ воспоминаній и отгоняла ихъ.

Училась и вела себя вообще Анютка плохо. Особенно, какъ и многія въ пріютѣ, ненавидѣла шитье, но шитье и вышиванье были главными предметами въ пріютѣ и избавиться отъ нихъ Данилову или кого-другого было невозможно. Отсюда происходили всякія недоразумѣнія, непріятности, происшествія и наказанія.

— Какая же ты будешь горничная?..—выговаривали, кто басомъ, кто дискантомъ, классныя дамы, отчитывая нерядивыхъ воспитанницъ.

— Куда же ты пойдешь изъ пріюта, коли шить не научишься?.. Вѣдь господа не берутъ горничныхъ безъ шитья!.. Да и какъ ты жизнь проживешь?.. Кто замужъ тебя возьметъ? Вѣдь дома шитье всегда понадобится...

И Анютка, и другія лѣнныя дѣвочки, опустивъ вѣки, съ скучающими, а иногда и насмѣшливыми лицами, выслушивали прописную, пріютскую мораль и инстинктивно и стихійно все же ненавидѣли шитье.

— Просто не придумаешь, что съ ними дѣлать, чтобы пріохотить ихъ къ ручному труду!—сокрушалась важная начальница передъ новымъ попечителемъ. — Одно утѣшеніе,—добавляла она,—я справлялась во многихъ другихъ заведеніяхъ одного типа съ нашимъ; вездѣ то же самое: ненавидятъ иголку!

— Нельзя-ли, дѣйствительно, тогда выдумать для нихъ что-нибудь другое?—серьезно, но вмѣстѣ смущенно говорила жена попечителя, присутствовавшая иногда при «дѣловыхъ» разговорахъ мужа съ подчиненными и своими неумѣлыми замѣчаніями всегда портившая настроеніе супруга.—Вѣдь это, правда, ужасно исполнять всю юную жизнь постылую работу! Вотъ, напримѣръ, у мальчиковъ: не хочетъ онъ быть слесаремъ, онъ сапожникъ, столяръ, плотникъ, токарь, типографщикъ, ювелиръ... а тутъ вѣдь все одно: на всѣ вкусы, задатки, способности—одно! Правда, это ужасно!

— Да, но что-жъ ты хочешь?—мигомъ оцетинивался попечитель.—Когда это, дѣйствительно, жизнь... Жизнь!—убѣдительно повторялъ онъ, размахивая передъ собою руками.—Имъ другого ничего не нужно...

— Нѣтъ, я думаю—не жизнь...—отвѣчала взволнованно жена, и преждевременно состарившееся лицо ея принимало все болѣе серьезное и грустное выраженіе.— Не жизнь, а рутина, трафаретъ. Какъ одинъ пріютъ, такъ и другой, третій, десятый, всѣ! Какъ сто лѣтъ назадъ,—такъ и теперь... Разумѣется, по трафарету, по шаблону все легче дѣлать...

— Ну, такъ скажи, пожалуйста, что же дѣлать?—кричалъ разсерженный попечитель, дѣлая удареніе на «что же».—Что же дѣлать, научи!..

Жена пожимала плечами и глазами искала сочувствія во взорахъ величественной начальницы, но начальница оставалась холодной, тактично-безучастной.

— Я бы ихъ учила часовому, ювелирному мастерству... Столярами ихъ дѣлала, настройщиками, токарями, садовницами, огородницами,—краснѣя, говорила тогда жена.

Попечитель качалъ вверхъ головой.

— Это все только несбыточные мечтанія! — бросалъ онъ небрежно, закуривая папиросу.

— Нѣтъ, я по опыту знаю, видѣла въ Норвегii, да и у насъ, мужчинъ и мальчиковъ, которые прекрасно вышиваютъ. Помнишь, Владимiръ Карловичъ?.. Жизнь, опытъ, напротивъ, доказываетъ, что это раздѣленіе на мужской и женскій трудъ ошибочно... Души, способности у тѣхъ и другихъ бывають независимы отъ того, мальчикъ ли онъ или дѣвочка...

— Ну, пожалуйста, дѣлайся тогда попечителемъ!.. — приходя въ сильное возбужденіе, громкимъ голосомъ прерывалъ жену сановникъ.—я уйду, а ты, пожалуйста, поступай на мое мѣсто и заводи себѣ тогда столярствъ-женщинъ! — кричалъ онъ и, видя, что жена сильно смущена присутствіемъ молчаливо-наблюдательной начальницы, онъ льстиво призывалъ эту начальницу себѣ въ подмогу, обращаясь къ ней, какъ къ человѣку, говорящему не какъ *друія*, въ теоріи, а наученному житейскимъ опытомъ.

И начальница вѣжливо, стараясь не слишкомъ напирать на свое преимущество, начинала разбивать книжныя грѣзы...

Училась грамотѣ Анютка тоже неохотно, но читать научилась быстро и стала за уроками и по почамъ зачитываться запрещенными въ пріютѣ романами: «Кровавымъ пятномъ», «Монахомъ» и др., которые вообще брались дѣвочками нарасхватъ и нравились безгранично. Писать же сколько-нибудь правильно такъ и не научилась, и то писала слитно: «вуглу», «скошкой», то, послѣ горячихъ объясненій учительницы, «съ Мольный», «въ Довій домъ», при чемъ дерзала и упорно утверждала, что ей такъ приказали писать.

Въ первое время Раиса Павловна раза три навѣстила Данилову, привезла ей гостинцевъ, и, пріѣхавъ въ собственномъ экипажѣ (ландо, запряженномъ «першеронами», купленными на аукціонѣ у малолѣтнихъ родственниковиковъ), вызвала въ пріютѣ цѣлую сенсацію и экипажемъ, и своимъ видомъ, и осанкой, и появленіемъ. Швейцаръ опрометью бросился отворять дверцу кареты и съ поклонами провелъ въ пріемный залъ. Черезъ нѣкоторое время, туда же въ залъ, вышла и начальница. Но послѣ третьяго раза Гогольцева въ пріютъ больше не пріѣзжала. Ъхать было далеко, отнимало много времени. Дрянъ же Анютка совсѣмъ не цѣнила посѣщеній своей благодѣтельницы, а жалобы начальства на шалости, дерзости, лѣность и тупость дѣвочки тоже радости не доставляли...

Нѣсколько разъ, впрочемъ, еще въ первую зиму, Пелагея пришла навѣстить Анютку, разъ Саша и Катерина... Потомъ будто всѣ забыли дѣвочку. И, дѣйствительно, дома, т. е. у Гогольцевыхъ, всѣ безъ нея вздохнули свободнѣе.

Анютка, между тѣмъ, стала свыкаться съ пріютомъ и развиваться все въ одномъ и томъ же направленіи: надувала начальство, ходила съ другими воспитанницами по ночамъ воровать хлѣбъ, посылала сторожей за сладостями, маковниками, халвой, мочеными яблоками и проч. Научилась ловко, во время прогулки, опускать въ почтовый ящикъ, незамѣтно отъ классной дамы, любовныя письма товарокъ, и изводила «Евгенію Лексанну» всегда всѣмъ, чѣмъ могла.

— Каторжная дѣвочка, — отзывались о ней начальница и классная дама.

А Романоглѣбскій попрежнему оставался въ пріютѣ, продолжалъ совершать богослуженіе и давать уроки Закона Божія; онъ такъ краснорѣчиво, исторически объяснял притчу о прокаженныхъ, объ ихъ изгнаніи

изъ города, что воспитанницы потомъ единодушно отвѣчали на вопросъ: «Что можете вы сказать о прокаженныхъ?» «Что прокаженные живутъ внѣ города, и потому въ деревнѣ хуже жить, чѣмъ въ городѣ».

Наступало Рождество, а съ нимъ давно ожидаемый пріютомъ балъ. Балъ этотъ былъ традиціоннымъ. Когда-то на него учредитель пріюта приглашалъ поль-Петербургъ... выписывалъ изъ Италіи, для воспитанницъ старшихъ классовъ, бѣлые атласные башмаки, дарилъ цѣлые штуки разноцвѣтной кисеи, атласа и пр. и, пріѣзжая потомъ съ знакомыми въ назначенный вечеръ, любовался на дѣвочекъ, превращенныхъ, по его отеческому желанію, въ наядъ, русалокъ, королевъ и т. д. Происходило ужинъ въ стѣнахъ пріюта, во время котораго нѣкоторыя дѣвочки ужинали вмѣстѣ съ учредителемъ и его знакомыми, потомъ дѣвочки уѣзжали изъ заведенія... По смерти учредителя изъ года въ годъ все стало принимать болѣе и болѣе скромный характеръ, и въ годъ поступленія Анютки готовился обыкновенный пріютскій костюмированный вечеръ. Часть денегъ на необходимыя покупки давалась попечителемъ, какъ рождественскій подарокъ. Другая часть, въ видѣ матерьяла, привозилась, приносилась и присылалась благодѣтелями и родителями, и дѣвочки, съ помощью классныхъ дамъ, лихорадочно шили, кроили, клеили и мастерили костюмы. Испросили разрѣшеніе начальницы надѣть нѣсколько мужскихъ костюмовъ, и радости, веселью, шуткамъ (иногда, впрочемъ, совсѣмъ недѣтскимъ и нецензурнымъ) не было конца, особенно, когда двѣ крупныя, рослыя и полныя воспитанницы примѣрили двѣ гимназическія пары брюкъ и мундировъ, уступленныхъ какимъ-то великовозрастнымъ гимназистомъ, знакомымъ одной изъ классныхъ дамъ. Анюткѣ тоже сшили костюмъ. На балу обыкновенно присутствовалъ попечитель, его семья, дамы-патронессы, знакомые начальницы и потому и Раисѣ Павловнѣ было послано приглашеніе. Гогольцева пообѣщала быть, но не пріѣхала и хотя этимъ сильно возстановила противъ Анютки и обидѣла начальницу и особенно «Евгенію Лексанну», зато Анюткѣ своимъ обѣщаніемъ доставила въ данную минуту незабываемое удовольствіе. Данилову 2-ю, ради ея благодѣтельницы одѣлы «зимой», въ платье декольте изъ бѣлой марли, при чемъ волосы завили и обсыпали брильянтовой пудрой, щеки натерли красной бумагой, и весь туалетъ, голову, ноги (въ туго-натянутыхъ, сверхъ башмаковъ, нитяныхъ чулкахъ), по борту проступавшихъ башмаковъ, украсили живыми зелеными вѣточками елки. Анютка взглянула на себя въ зеркало и зажмурилась, какъ ослѣпленная: передъ ней въ зеркалѣ стояла, какъ ей казалось, преобразенная маленькая она, «фея зимы», съ румяными щеками и большими, блестящими глазами (глаза ей подвела, одѣвавшая ее модница и искусница руководѣльная дама). Весь этотъ вечеръ «фея зимы» ногъ подъ собою не чувствовала отъ радости, тѣмъ болѣе, что не только воспитанницы, но даже какая-то дѣвочка изъ знакомыхъ начальницы обратила на нее вниманіе и назвала ее «душкой».

Все для бывшей нищенки засталося прекраснымъ серебристо-голубымъ туманомъ, въ которомъ незамѣтно проскользнуть даже такой крупный фактъ какъ угощеніе, для начальства и гостей, отличное отъ угощенія для воспитанницъ, вызвавшее у многихъ другихъ дѣвочекъ колкія замѣчанія. Что было ей угощеніе и подслушанныя слова одной дамы-патронессы, говорившей зачѣмъ-то другой: «все равно; имъ нужно привыкать къ разницѣ между ними и господами, и потому чѣмъ скорѣе онѣ начнутъ, тѣмъ лучше!» Что были ей и эти слова, и простыя яблоки, золотые орѣхи, крѣпкіе мятные пряники и коврижки на однихъ столахъ и кальвилы, дюшессы и ананасы—на другомъ!.. Она танцевала, танцевала и съ воспитанницами, и съ дѣвочкой, назвавшей ее душкой, и ни на кого, и ни на что не обра-



Все разбито. Картина В. Мавровской, арт. «Нивы».

В. Мавровская 1903.



**Крестьянки.** (Воспал Выставка 1905 г.). Картина В. Епифанова, авт. «Илья».

пала вниманія. «Ахъ, если бы вотъ теперь Матреша увидала меня!»—изрѣдка только мелькало у нея...

Черезъ дня два все въ классѣ замѣтили, что у Даниловой 2-й прибавилась новая черта въ характерѣ.

Въ минуты откровенности дѣвочка стала говорить подругамъ: «Я знаю, что у меня хорошенькая мордочка!» Воспитанницы не утерпѣли и со смѣхомъ донесли о словахъ Анютки классной дамѣ. Евгенія Александровна возмущилась самомнѣніемъ и дерзостью дѣвочки. «Этакая вѣдь рожа!.. И туда же!»—вырвалось у нея, и съ этого дня она, почти помимо воли, начала преслѣдовать Данилову 2-ю язвительными словами и намеками на ея «чухонскую» красоту.

Анютка всякій разъ, услышавъ голосъ своей прямой начальницы, мѣнялась въ лицѣ, и разъ, когда Евгенія Александровна пила въ общей столовой чай и вышла на минуту, наплевала ей въ стаканъ слюней, а потомъ радовалась, что классная дама, думая, что это сахаръ, размѣшала пузырьки въ стаканѣ и выпила чай.

### III.

Прошла зима и весна, наступило лѣто, которое Гоголь-церы, по примѣру многихъ годовъ, провели на прежней дачѣ. Многихъ дѣвочекъ родители и благодѣтели взяли на каникулы къ себѣ, но Анютку Раиса Павловна домой не взяла: начальство было недовольно ею, грозилось исключить, и Раиса Павловна, поддерживаемая сыновьями, боялась взять ее на время, чтобы начальство не воспользовалось предлогомъ и не велѣло всегдѣмъ оставаться Даниловой дома.

Лѣто, такимъ образомъ, дѣвочка провела въ пріютѣ, ходила купаться въ Невѣ вмѣстѣ съ другими воспитанницами и вмѣстѣ съ ними, по совѣту доктора, насколько возможно гуляла и сидѣла на «чистомъ» воздухѣ, т. е. въ пріютскомъ саду.

Садъ этотъ примыкалъ къ другому саду, увеселительному, и хотя былъ отдѣленъ рѣшеткой, заколоченной досками, образовавшими второй высокій заборъ,—музыка, пѣніе и крики были отчетливо слышны въ пріютскомъ владѣніи, и Анютка съ другими воспитанницами бѣгала въ запрещенную аллею (гдѣ особенно хорошо было слышно) и подолгу оставалась тамъ. Съ другой стороны пріюта помѣщался полицейскій участокъ, и эти два противоположныя сосѣдства дали (лѣтъ 25 тому назадъ) поводъ одному члену благотворителю, старику-адмиралу и севастопольскому герою, пріѣхавшему въ первый разъ въ заведеніе, сказать острогу, облетѣвшую весь пріютъ и ставшую общеизвѣстной.

— Сначала вы ихъ тутъ воспитываете,—энергично и обрывисто жестикулируя, сказалъ малорослый, крѣпкій, розовощекій адмиралъ, съ сѣдой и круглой, какъ бильярдный шаръ, головою и крѣпкими зубами.—Потомъ онѣ тамъ (адмиралъ круто повернулся на каблукахъ и указалъ на увеселительный садъ), а потомъ туда попадаютъ!..—старикъ перевелъ руку въ сторону тюрьмы.

Адмиралъ вообще былъ шутникъ и славился одновременно съ добротой какой-то странной и веселой жестокостью, сажалъ, напримѣръ, пьяныхъ матросовъ на «быки», подъ мостами, считая это лучшимъ средствомъ, чтобы научить людей пить, но не напиваться, и, заливаясь довольнымъ смѣхомъ смотрѣлъ изъ окна, какъ вода обливала, захлестывала наказанныхъ, и какъ они, цѣпляясь, старались удержаться на скользкой поверхности.

Обойдя пріютъ, посмотрѣвъ на воспитанницъ, заявивъ, что все заведеніе устроено прекрасно, но, что еще было бы лучше, если бы всехъ воспитанницъ взять и потопить, адмиралъ, обвороживъ и насмѣшивъ начальство, уѣхалъ, а воспитанницы продолжали все эти 25 лѣтъ смѣяться, томиться въ прекрасно устроенномъ заведеніи и вырастать не то бѣловыми швеями, выши-

вальщицами гладью или мѣтильщицами, не то избалованными барышнями, неумѣющими дѣлать ничего полезнаго, надувающими начальство, мечтающими о «любви» и красивыхъ туалетахъ и, выростая, начинали посѣщать увеселительные сады... Статистика старалась неумолимо разбивать цифрами иллюзіи въ этомъ смыслѣ начальства!

Скучное было время лѣтомъ въ пріютѣ! Большинство дѣвочекъ разѣхалось по дачамъ—въ Петергофъ, Парское, Лѣсной и проч. Не говорилось: «въ дворницкую», «въ кухню», «въ сторожку», «къ отцу-швейцару» или «кучеру» или «матери-прачкѣ». Говорилось прямо: «къ родителямъ или—на дачу», и хотя нѣкоторыя воспитанницы брались благодѣтелями и благодѣтельницами и тогда проводили лѣто въ хорошихъ или сравнительно хорошихъ условіяхъ, большинство такъ жило и проводило каникулярное время, что, возвращаясь въ пріютъ, поражало начальство и пріютскаго доктора своимъ видомъ, тѣмъ, «что онѣ всегдѣмъ не поправились, а только, какъ будто, еще болѣе поблѣднѣли, похудѣли и отошались».

Въ годъ поступления Анютки для оставшихся на лѣто въ пріютѣ единственнымъ, кромѣ отголосковъ изъ увеселительнаго сада, развлеченіемъ была борьба Романоглѣбскаго съ попечителемъ. Борьба эта все разгоралась и, наконецъ, въ августѣ пришла къ концу, завершившись на этотъ разъ пораженіемъ «батюшки». Вырвавшій побѣду у непріятеля попечитель тѣмъ, что онъ заявилъ о своемъ уходѣ, въ случаѣ, если не удалятъ Романоглѣбскаго, торжествовалъ, но Романоглѣбскій заперся въ своей квартирѣ, какъ въ цитадели, ссылаясь на болѣзнь и не выѣзжалъ.

— И не выѣдетъ!..—лукаво усмѣхаясь, шептались приверженцы батюшки, припоминая такія же побѣды прежней свѣтской власти и хитроумныя продѣлки о. Дмитрія.—И не выѣдетъ!..

Наступила осень, мокрая дождливая погода и грязь. Пріютъ былъ снова полонъ дѣвочками. Начинались всевозможныя ежегодныя хроническія и остро-заразныя болѣзни. Романоглѣбскій не выѣзжалъ... И вдругъ, въ одинъ Божій день, воспитанницы ахнули, подоидя незначай къ окну, послѣ класса.

На дворѣ жалко-одинокое стояла красная репсовая гостиная «батюшки», и пріютскіе служители входили и выходили въ двери флигеля, гдѣ жилъ Романоглѣбскій, и выносили какія-то кадучки и ведра...

Въ 12 часовъ пріѣхалъ самъ попечитель посмотрѣть, исполнили ли его приказаніе (онъ далъ священнику въ октябрѣ послѣдній трехнедѣльный срокъ, объявивъ по нѣсколько разъ въ разные промежутки, что послѣ *вынесетъ* его мебель на улицу), и сердце его такъ же, какъ и многихъ другихъ воспитанницъ, и взрослыхъ, дрогнуло жалостью, при видѣ этого репсоваго дивана и стульевъ на дворѣ.

Онъ сердито отвернулся, закашлялся и, не входя и не въѣзжая въ пріютъ, приказалъ кучеру ѣхать обратно домой. Дни пошли за днями.

Анютка, все лѣто купавшаяся въ Невѣ и находившая въ этомъ большое удовольствіе (хотя всякій разъ долго не могла согрѣться послѣ купанья и ходила съ посинѣлыми губами), стала хворать. Сначала къ ней привязался кашель, потомъ заболѣло ухо, потомъ, когда прошло ухо и осталась только глухота, пошла какая-то сыпь по тѣлу.

— Ну, что-жъ! Это очень хорошо!—басомъ заявила короткая, круглая и крѣпкая, какъ рѣпа, полногрудая, невысокая классная дама и, посмотрѣвъ на тѣло Анютки, потрогала его короткими, жесткими, красными пальцами.—Прекрасно!.. Золотуха, значитъ, выходитъ. Вѣдь это видно, что ты начинена ею!—добавила она и, съ рѣзко и грубо выраженнымъ всей ея фигурой спокойствіемъ, отошла отъ Анютки и приказала ей не лѣ-

питься, не разыгрывать изъ себя нѣженку и принцессу, а одѣваться и идти въ классъ, на работу.

Анютка одѣлась и пошла, и проходила такъ нѣсколько недѣль, а сыпь стала за эти недѣли все увеличиваться и распространяться.

— Ну, что-жъ, и отлично, и великолѣпно!..—еще разъ или два, увидѣвъ тѣло Даниловой утромъ, когда дѣвочки вставали, подтвердила классная дама.

Она была убѣждена, что столько видѣла на своемъ вѣку, что ошибаться не можетъ (попросту говорила, «что никогда не ошибалась еще на своемъ вѣку»). Вдобавокъ, къ воспитанницамъ, дѣтямъ разныхъ Петровъ и Ивановъ, Матренъ и Хавроній, «Евгенія Лексанна» относилась своеобразно. Поступивъ въ пріютъ не потому, что она любила холопскихъ дѣтей, а потому, что ей, послѣ смерти мужа, подполковника,—буквально ѣсть было нечего, и пріютъ являлся единственнымъ спасеніемъ, она разсуждала такъ: все это будущія горничныя и кухарки или проститутки... «Ни за одного Ивана или Матрену, или Хавронью, тѣмъ болѣе, за уличную дѣвку, я, да и никто, распинаться не станеть. Эта же самая Данилова или другая будетъ за мной или такой, какъ я, помои выносить, я и не подумаю ее спросить: «не тяжело ли тебѣ? Не устала ли ты?» Слѣдовательно, тутъ ужъ такъ надъ ними дрожать, за ихъ здоровьемъ слѣдить или еще за нравственностью, чтобы писемъ любовныхъ не писали и не получали,—вздоръ. Все равно выйдутъ и начнутъ мѣста мѣнять, и новыхъ незаконныхъ дѣтей рожать...»

Прошло еще нѣкоторое время, и Анютку пришлось отправить въ лазаретъ: дѣвочка на ногахъ «расчесала» сыпь, какъ утверждала «Евгенія Лексанна», и у нея сдѣлались раны.

Начались всевозможныя присыпки и примочки, чтобы чѣмъ-нибудь залѣчить язвы и прекратить сыпь, но язвы мокли все сильнѣе, гной выдѣлялся обильный, наростало все больше дикаго мяса, и сыпь не проходила.

— Золотушный субъектъ!..—пожимая плечами, не то какъ-то посвистывалъ, не то прицеливалъ губами пріютскій докторъ каждый разъ послѣ осмотра и прописывалъ то то, то другое; но ничто не помогало. Дали знать Гогольцевой.

Она прочла письмо начальницы и пожалала плечами.

— Вѣрно гдѣ-нибудь тамъ простудили!..—иронически сказала она и добавила съ самодовольной раздумчивостью: — у насъ никогда не болѣла никакой сыпью. Помнишь, Саша? Никогда ничѣмъ не болѣла...

Саша подтвердила, что ничѣмъ, развѣ что глазами.

— Ну, это пустяки! — замѣтила Раиса Павловна, и не побѣхала въ пріютъ, куда ее приглашало начальство.

— Что-жъ я-то могу! — сказала она въ тотъ же вечеръ своимъ карточнымъ партнерамъ, понижая голосъ и разсказывая имъ о письмѣ и объ Анюткѣ.—Что-жъ я могу?! Отдала здоровую, теперь... больна! — она размахнула руками.—Я-то тутъ при чемъ?!

— Разумѣется! — разбирая карты мастъ къ масти и размышляя по карточному вѣеру въ лѣвой рукѣ, что ему назначить, отвѣтилъ генераль.

Анютка, тѣмъ временемъ, не печалилась: ходить въ лазаретъ для присыпокъ и перевязокъ было куда пріятнѣе, чѣмъ ходить въ классъ, на уроки. Можно было изрѣдка и малиноваго сиропу лизнуть, и ложечку миндальной эмульсии глотнуть, и кусочекъ сахарца стащить, и услышать что-нибудь интересное... Одно было неприятно, это зудъ по ночамъ, мѣшавшій спать. Днемъ онъ угасалъ, но ночью... ночью онъ становился «чистымъ наказаніемъ»... и Анютка теперь часто просыпалась и ворочалась, неистово парая себя и взывая со слезами раздраженія: «охъ, Господи! Господи!..»

Передъ ней, въ обѣ стороны, тянулся темный дортуаръ, длинная-длинная комната съ двумя рядами кроватей, поставленныхъ вдоль стѣнъ, ноги къ ногамъ, и

на всѣхъ этихъ кроватяхъ что-то дышало, сопѣло, храпѣло, иногда посвистывало, почему-то сильно озлобляя Анютку.

— Подляя!.. — садясь на кровати, полушопотомъ ругалась дѣвочка, съ ненавистью оглядывая спавшихъ воспитанницъ и съ мучительнымъ ожиданіемъ прислушиваясь къ знакомымъ ей переливамъ и переходамъ въ нѣкоторыхъ храпахъ. — Ну, вотъ, вотъ! — говорила она себѣ, дождавшись знакомаго звука... — Ишь, проклятыя!.. Такъ и жарятъ!.. — и страстная жалость къ себѣ охватывала ее.—Всѣ спать! Одна я, одна я... мучаюсь! — говорила она себѣ, и плакала, прижимая лицо къ поднятымъ подъ одѣяломъ колѣнямъ.

Разъ она не вытерпѣла, встала и, приблизившись къ особенно сердившей ее дѣвочкѣ, поглядѣла на нее, на ея некрасиво-раскрытый ротъ, послышала звуки, вылетавшіе изъ него, и вдругъ развернулась и наотмашь ударила спящую по малокровному, плоскому лицу. По дортуару пронесся дикій, безумный крикъ. Всѣ повскакали съ постелей. Начался переполохъ. Анютка вернулась къ себѣ, легла и съ жуткимъ любопытствомъ стала слѣдить за происходившимъ, за тѣмъ, какъ приближалась изъ своей комнаты классная дама въ ночной кофточкѣ, позвонила горничную, какъ та приближалась, какъ послали за лазаретной дамой, такъ какъ у Анюткиной жертвы сдѣлались судороги, и проч. На слѣдующій день произвели слѣдствие, и слѣдствие это открыло «шалость» Даниловой 2-й.

Снова написали Гогольцевой, прося ее немедленно прѣхать, чтобы примѣрно наказать Данилову, или взять ее изъ заведенія.

— Этакая скверная дѣвчонка! — выбранилась Раиса Павловна, прочтя въ этотъ разъ письмо, и позвала на совѣщаніе женскую прислугу: Пелагею, Сашу и Катерину.

Всѣ онѣ выслушали письмо съ недоумѣніемъ, переглядываніемъ, покачиваніемъ головъ и вмѣстѣ страннымъ внутреннимъ удовольствіемъ.

— Да вы не изволите беспокоиться,—сказала, наконецъ, стараясь совсѣмъ не улыбаться, Пелагея послѣ долгихъ переговоровъ, разсужденій и преній, выслушавъ нежеланіе барыни ѣхать въ пріютъ.—Зачѣмъ вамъ самимъ туда ѣхать... Вы напишите, чтобы ее высѣкли, ваше превосходительство, вотъ и все... Самое лучшее...

— Разумѣется, — подтвердила и Катерина. — Чтобы здорово этакъ ее... чтобы помнила...

И Катерина, извиняясь, торопливо ушла на кухню, боясь, «кабы у нея супъ не убѣжалъ», и мигомъ повѣдала судомойкѣ, буфетному мужику и денщику о содержаніи письма изъ пріюта и недоумѣніи генеральши.

— Самое лучшее... высѣчь!.. — рѣшила и кухня, страстно заинтересовавшаяся происшествіемъ, и когда Пелагея вышла отъ генеральши, съ замкнутымъ и дѣловитымъ выраженіемъ лица, спросила себѣ «завтракать» по-раньше, всѣ накинулись на нее: — Что? Какъ рѣшили господа?

Но Пелагея молчала, какъ могила...

Побѣвъ, она вышла изъ кухни, прошла къ себѣ, заперлась и черезъ нѣкоторое время вышла оттуда, одѣтая въ лучшее свое мѣховое пальто, дамскую шляпку изъ чернаго тюля, украшенную стеклярусомъ, съ муфтой въ рукахъ; прошла въ спальню генеральши, гдѣ учились «съ французенкой» Зюечка и Валечка, не нашла ее тамъ, поискала по всей квартирѣ и, найдя у одного изъ сыновей, объявила, что ѣдетъ; получила вновь, уже слышанныя не одинъ разъ, инструкціи, выговорила: «будьте покойны», и, спустившись по парадной, уѣхала.

— Въ пріютъ, должно, — рѣшилъ на кухнѣ денщикъ, выведившій гулять собакъ и встрѣтившій Пелагею на извозчикѣ, когда онъ возвращался домой.

— Замѣсто себя, значить, послала... — съ особымъ выраженіемъ лица и наклоненіемъ головы поддакнула судомойка.



Паркъ осенью. Картина В. Крыжицкаго, авт. «Нивы».





Анатолій Федорович Кони. По поводу 40-лѣтїя его государственной службы.  
Рисунокъ И. Е. Рѣпина, авт. «Нивы».

## На войнѣ.

(Отъ нашего специального корреспондента).

Съ Юга на Сѣверъ.

Отъ многихъ офицеровъ арміи слышишь, что они ведутъ дневники и записки. Дѣло, конечно, интересное и удобное въ походѣ, потому что не требуетъ никакихъ специальныхъ приспособлений. Единственное затрудненіе заключается въ томъ, что бумага и письменныя принадлежности въ Харбинѣ страшно дороги. Но ни передъ какими затратами пишущіе мемуары не останавливаются, потому что все происходящее нынѣ здѣсь передъ глазами заносить на бумагу они «считаютъ своимъ долгомъ».

Кромѣ бумаги въ громадномъ количествѣ расходуются также фотографическія пленки, получаемыя по цѣнѣ тоже весьма возвышенной. Катушка, стоящая въ Петербургѣ рубль съ копейками, цѣнится здѣсь въ пять-шесть рублей и дороже. Разные проявители и фиксажи, которые продаются въ Петербургѣ коробками съ десяткомъ готовыхъ патроновъ и цѣною въ одинъ рубль съ небольшимъ за коробку, продаются здѣсь отдѣльными патронами по 60 к. и до рубля за патронъ, т. е. почти въ 10 разъ дороже. Но такъ какъ между офицерами много страстныхъ любителей фотографическаго дѣла, то, несмотря на возвышенныя цѣны, спросъ на фотографическія принадлежности не уменьшается.

Особенно много было офицеровъ, занимавшихся фотографіей, при прежнемъ главнокомандующемъ, и особенно среди чиновъ его штаба и другихъ штабовъ. Когда главнокомандующій куда-нибудь выѣзжалъ или выходилъ со своей свитой, то обыкновенно каждый изъ свиты имѣлъ при себѣ изысканный ручной аппаратъ. Когда его высокопревосходительство останавливался, чтобы посмотреть въ бинокль или поговорить съ кѣмъ-нибудь, то аппараты сейчасъ же раздвигались, блестя на солнцѣ своей металлической отдѣлкой, и среди приличной моменту тишины вѣжно щелкали моментальные затворы. Въ общемъ картина получалась очень оригинальная и элегантная. Приятно было видѣть, съ какимъ рвеніемъ офицеры свиты старались увѣковѣчить каждый шагъ своего главнокомандующаго.

Какъ-то разъ, присутствуя при такой сценѣ, въ качествѣ зрителя, я одному знакомому офицеру, у котораго не было аппарата, осторожно задалъ слѣдующій вопросъ:

— Скажите, пожалуйста, полковникъ, какое было бы ваше мнѣніе, если бы главнокомандующій вдругъ... ни съ того, ни съ сего... запретилъ бы всемъ офицерамъ, принимающимъ участіе въ войнѣ съ японцами... запретилъ бы заниматься фотографическимъ искусствомъ...

Полковникъ былъ человекъ добродушный, но мой наивный вопросъ заставилъ его саркастически улыбнуться.

— Чего же ради? Странная идея. Занятіе это никому не мѣшаетъ, а всякому приятно имѣть воспоминаніе. Это можетъ даже принести пользу, какъ матеріаль...

— Польза, конечно, громадная... для фотографическаго дѣла, — поспѣшилъ согласиться я. — Насколько мнѣ и, должно-быть, и вамъ извѣстно, что при штабѣ главнокомандующаго и даже при штабѣ каждой арміи существуютъ специально для этого назначенныя



Нашъ специальный корреспондентъ В. Табуриный на передовой позиціи.

По фот. авт. «Нивы».

лица изъ офицеровъ, такъ-называемые «фотографы арміи». Они работаютъ непрерывно, и всѣ эти любительскія работы являются лишь плохимъ повтореніемъ ихъ работы...

— Ну, такъ что-жъ? И пускай себѣ щелкаютъ... Времени это отнимаетъ немного... Какой-нибудь моментъ...

Я сталь-было говорить на тему о «моментѣ», который въ военномъ дѣлѣ иногда играетъ большую роль, въ особенности во время боя, когда мнѣ приходилось наблюдать занятіе съ аппаратами подъ аккомпаниментъ орудійной стрѣльбы и трескотни пулеметовъ. Кромѣ того, если считать по пальцамъ, катушка имѣетъ двѣнадцать пленокъ, т. е. двѣнадцать «моментовъ», десять катушекъ — сто двадцать «моментовъ» и т. д. Послѣ этого наступаютъ цѣлые часы съ разными фотографическими лабораторными операциями, которыми, какъ извѣстно, любители сильно увлекаются...

Неизбѣжны любительскія неудачи ведутъ къ упорному желанію добиться успѣшныхъ результатовъ, и число «моментовъ» увеличивается...

Но полковникъ прервалъ меня, рѣшительно махнувъ рукою.

— Э! бросьте ерунду... Что тутъ толковать. Начальство лучше нашего знаетъ, что можно и чего нельзя. Разъ это не запрещается, значитъ... нечего и толковать.

Тутъ же мнѣ припомнился одинъ случай. Когда, во время боя подъ Ляояномъ, вдоль насыпи желѣзной дороги пробиралась пѣхотная цѣпь, идя на поддержку атакующимъ деревню, офицеръ, который ее велъ, обратился ко мнѣ, торопливо и взволнованно говоря:

— Нѣтъ ли у васъ катушки... свободной? Дайте ради Бога...

— Есть, но мнѣ самому нужно.

— Ради Бога! Я вамъ заплачу три, пять, десять рублей... сколько угодно, но только уступите.

Въ его голосѣ было столько мольбы и отчаянія, точно отъ этого зависѣла побѣда надъ японцами. Я рѣшилъ дать ему катушку въ видѣ добровольнаго пожертвованія. Для этого пришлось встать, что было очень неприятно, т. к. надъ насыпью свистѣли пули. Поручикъ торопливо прибралъ катушку по ширинѣ своего аппарата, который у него висѣлъ въ сумкѣ, рядомъ съ револьверной кобурой, и поблагодарилъ меня въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ.

— Гдѣ же вы зарядите? — полюбопытствовалъ я.

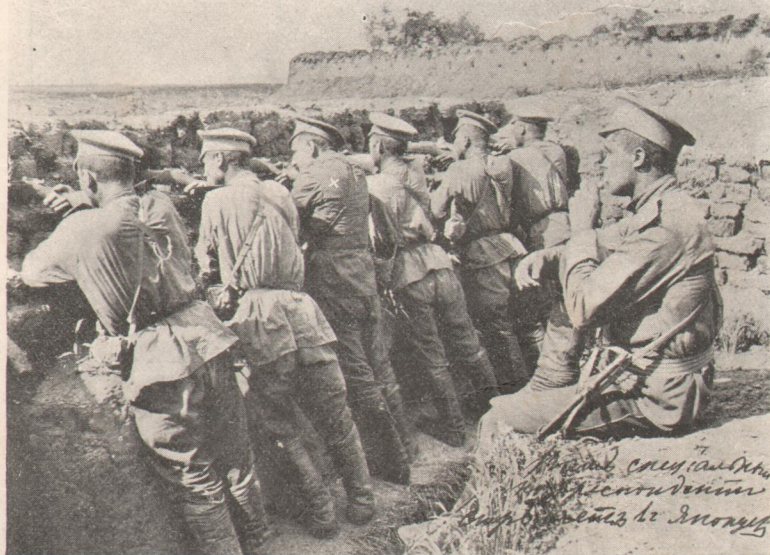
— Я со своей цѣпью залагу и гдѣ-нибудь между грядками все и сдѣлаю... Зато у меня будутъ не снимочки, а сахаръ...

— А вамъ это не помѣшаетъ... вообще... всему прочему?...

— Ерунда! Вѣдь это же одинъ моментъ...

Надо было справедливымъ. Я увѣренъ, что ни тотъ полковникъ, ни этотъ поручикъ не сговаривались во взглядахъ на этотъ незначительный предметъ, а потому такое единодушіе могло быть только истиной. Я и самъ долженъ былъ придти къ заключенію, что это дѣйствительно «ерунда».

На поляхъ Манчуріи, кромѣ разстрѣлянныхъ патроновъ, разбросано не мало пустыхъ катушекъ отъ фотографическихъ пленокъ. Но къ сожалѣнію, изъ всего громаднаго количества снимковъ, удачныхъ весьма мало. Самые неудачные конечно «боевые снимки». Это, собственно говоря, даже просто абсурдъ, если снимающій рассчитываетъ поймать на свою пленку непріятельскія



Нашъ специальный корреспондентъ В. Табуриный въ окопахъ на передовыхъ позиціяхъ. По фот. авт. «Нивы».



1) Командир полка полк. К. Г. Некрасовъ. 2) Подполк. К. Л. Гиндей (за бои 16 авг. и 28-го сент. награжд. орд. Георгия Побѣд. 4 ст. и чин. подполк.). 3) Капитанъ А. Ѳ. Зенковичъ (командов. въ Тюренческомъ бою у Потензны 7 ротой). 4) Полков. священ. отецъ Александръ Смирновъ. 5) Полк. адъют. шт.-кап. А. А. Правиковъ (18 апр. 1904 г. былъ раненъ у Потензны въ голову, возвратился въ июнь 1904 въ строй и съ тѣхъ поръ участвовалъ во всѣхъ бояхъ). 6) Подпор. Н. М. Кременецкій. 7) Г. Ѳ. Пашутинъ. Прапорщики: 8) А. Г. Вейнъ. 9) И. Т. Кункевичъ. 10) Ф. Ф. Кельманъ. 11) Капельмейстеръ. 3-й Сиб. армейскій корпусъ генерала Иванова. Гг. офицеры 22-го Вост-Сиб. стрѣлковаго полка, 6-ой Вост-Сиб. стрѣлк. дивизіи генерала Данилова. по фот. поручика В. Р. Апухтина, авт. «Нивы».

фигуры. Во время стрѣлковаго боя, на разстояніи версты и болѣе ихъ не возьметъ ни одинъ аппаратъ, а во время атаки, когда нужно думать о самозащитѣ, самый ярый фотографъ забудетъ о существованіи своего аппарата.

Но, въ концѣ концовъ, большинство офицерскихъ записокъ и снимковъ пропало во время мурденскаго отступленія. На это и слышалъ жалобы отъ многихъ офицеровъ.

Надо по правдѣ сказать, что для наблюдательнаго человѣка вся здѣшняя жизнь, отъ Харбина до передовыхъ позицій, представляетъ много искушеній для веденія записокъ. Люди, которые умѣютъ сживаться съ обстановкой и подчиняться ей, испытываютъ здѣсь одну тоску по родинѣ, но для тѣхъ, которые умѣютъ смотреть на вещи объективно и для которыхъ впечатлѣнія на теряютъ своей свѣжести, каждый шагъ и каждое явленіе представляются и обыденнымъ и интереснымъ.

Возьмемъ для примѣра въ періодъ затишья обыкновенную поѣздку по желѣзной дорогѣ отъ позицій до Харбина.

Наступленія японцевъ ждали пять мѣсяцевъ. За все это продолжительное время шли непрерывныя работы для ихъ встрѣчи. Земля изрыта окопами, ходами, редутами, волчьими ямами. Когда послѣ войны китайцы придутъ на свои поля, то много времени и труда потребуются для того, чтобы привести ихъ опять въ надлежащій видъ. Имъ трудно будетъ даже разобраться въ своихъ участкахъ, до того вся мѣстность измѣнила свою топографію. Тренички затерялись, проведены новыя дороги, многія деревья срублены.

Наступленія японцевъ не дождалось до настоящаго дня. Чтобы дать офицерамъ отдохнуть отъ однообразной томительной жизни на позиціяхъ, командиры частей стали отпускать ихъ въ Харбинъ, но не въ отпускъ, потому что въ военное время это не разрѣшается, а въ поѣздку для какого-нибудь порученія.

Я поѣхалъ съ позицій 6-го корпуса съ подполковникомъ С\*. Погода была чудная и насъ отправились провозать полковые врачи, которымъ хотѣлось прокатиться верхомъ. Сами мы ѣхали на двуколѣ, нашъ путь лежалъ на станцію Сынгай, которая своей водокачкой видна съ мѣста нашей стоянки. До станціи верстъ пять-шесть.

Дорога идетъ мимо позицій 8-го корпуса. Эти позиціи, расположенныя на хребтѣ, идущемъ по фронту, очень живописны. Склоны изрыты окопами, которые видны лишь на близкомъ разстояніи и то не съ фронта, а съ фланга. Опытный взглядъ замѣтитъ то тамъ то сямъ небольшія отверстія, прикрытыя блиндажами—это мѣста, для пулеметовъ. На краю откоса, на видномъ мѣстѣ, подъ высокимъ блиндажемъ замѣтенъ такой же пунктъ для пулемета. Новоприбывшій офицеръ навѣрно скажетъ, что мѣсто неудачное, потому что слишкомъ обнаружено и не имѣетъ вблизи прикрытія стрѣлковыхъ окоповъ. Но болѣе опытный улыбнется и скажетъ, что блиндажъ фальшивый и сдѣланъ специально, чтобы ввести непріятели въ заблужденіе. Вотъ двѣ-три фанзы, почему-то оставлены нетронутыми, въ то время какъ другія срыты, чтобы

не мѣшали обстрѣлу. Въ глинобитныхъ стѣнахъ дворовъ зияютъ бойницы для стрѣлковъ, и эти фанзы кажутся грозными среди скрытыхъ укрѣпленій, но роль ихъ самая пассивная—онѣ назначены специально для привлеченія непріятельскихъ снарядовъ. Новичокъ опять скажетъ, что все это придумано очень хитро, но упущено изъ виду, что непріятель при наступленіи можетъ имѣть въ нихъ точку опоры. Болѣе опытный офицеръ опять улыбнется и отвѣтитъ, что какъ только непріятель догадается это сдѣлать, то сейчасъ же взлетитъ на воздухъ.

Если бы полководецъ прежнихъ, даже недавнихъ, войнъ взглянулъ бы снаружи на нынѣшнія укрѣпленныя позиціи, то былъ бы сильно удивленъ, не найдя въ нихъ самаго главнаго—артиллеріи. Ни на склонахъ горъ ни на гребнѣхъ не замѣтно грозныхъ орудіиныхъ дулъ. Гребень хребта совершенно чистъ и ничѣмъ не привлекаетъ вниманія непріятели.

Но батареи, т.-е. позиціи ихъ, на своихъ мѣстахъ по ту сторону хребта. Непріятель ихъ не можетъ видѣть и онѣ не могутъ видѣть непріятели. Для нынѣшнихъ артиллеристовъ этого и не нужно. Они стрѣляютъ по таблицамъ и по угломеру—по невидимой цѣли.

Наша дорога извивается между проволочныхъ загражденій, такъ что ночью ѣхать здѣсь небезопасно.

Проѣзжаемъ мимо группы солдатъ, которые вправо отъ дороги въ полѣ копошатся въ травѣ. Остановившемся, чтобы закурить папироски, что при движеніи тряской двуколки сдѣлать невозможно, и кстаи выльзаемъ, чтобы посмотреть, чѣмъ занимаются солдаты. Издали похоже, что они, стоя на колыняхъ, стираютъ бѣлье. Но при стиркѣ бѣлье становится бѣлье, а у нихъ оно покрывается зелеными пятнами. При ближайшемъ разсмотрѣніи и разспросахъ оказывается, что они пользуются новоизобрѣтеннымъ способомъ окраски бѣлыхъ рубахъ. Способъ очень простой и естественный. Рубаха кладется на траву и растирается пучкомъ свѣжей травы, окрашиваясь ею сокомъ.

Бѣлыя рубахи признаны неудобными, такъ какъ слишкомъ отчетливо выдѣляютъ фигуру солдата на всякомъ фонѣ. Интенданство уже съ начала кампаніи озабочено изысканіемъ наиболѣе подходящаго цвѣта для лѣтнихъ гимнастерокъ и до сихъ поръ этого загадочнаго цвѣта не найдено. Каждый начальникъ части, въ видѣ опыта, придумываетъ свою собственную окраску для солдатской одежды. На этой почвѣ происходятъ даже соревнования. Каждый старается найти цвѣтъ, наиболѣе подходящий къ условіямъ мѣстности, и избѣгаетъ подражать своему сосѣду. Поэтому всѣ полки окрашены въ самые разнообразныя цвѣта. За нѣсколько дней до нашего отъѣзда съ позицій по случаю какого-то праздника былъ парадъ двумъ полкамъ 72-й дивизіи—Тарусскому и Куликовскому. Очень красиво было издали, какъ маршировали два этихъ полка, построенные одинъ противъ другого. Тарусскій полкъ былъ одѣтъ въ рубахи сѣро-фишашковаго цвѣта, а Куликовскій въ ярко-голубыя.

Когда же соберутся нѣсколько полковъ, то картина получается въ высшей степени живописная; кажется, никогда еще на землѣ не было такой разноцвѣтной арміи.

Окраска сокомъ травы есть послѣднее слово въ этомъ искусствѣ. Мысль конечно та, что солдатъ травяного цвѣта не будетъ замѣтенъ въ травѣ. Но, къ сожалѣнію, переходя на песчаное мѣсто, онъ не можетъ, какъ хамелеонъ, сразу переимѣнить окраску. Но даже и въ травѣ онъ не замѣтенъ, только пока онъ лежитъ, а



Типы Манчжури. Старикъ предсказатель будущаго (магъ). По фот. поручика В. Р. Апухтина, авт. «Нивы».

когда встанет, то кажется движущимся кустом и притом необыкновенно яркого цвета.

Так что можно сказать, что это изобретение, хотя и очень остроумное, но не совсем рациональное.

Прошлым летом, когда армия стояла под Айсандзаном (сдѣ. кстати сказать, позиции всѣми считались *неприступными* и были отданы без боя), я ранним утром вышел на прогулку в этой замѣчательно живописной мѣстности. Среди высокихъ горъ в долинахъ видѣлись разбросанныя палатки. В тѣни грушевыхъ садовъ струились дымки отъ костровъ, на которыхъ солдаты варили чай.

Обмельвшая рѣка обнажала ярко-желтый песокъ своихъ береговъ. По склонамъ горъ, будто нарочно набросанные, валялись тысячами крупныя осколки горныхъ породъ, сверкая на солнцѣ своими синими, голубыми и красными изломами. Но во всей этой богатой красками картинѣ одинъ далекий предметъ обращалъ на себя осо-

Ничего другого не оставалось, какъ войти въ палатку и представиться имъ.

Послѣ первыхъ разговоровъ о манчжурской жарѣ (тема очень благодарная) и о неприступности айсандзанскихъ позиций (кто-то припомнилъ, что даже противъ китайцевъ японцы потерпѣли здѣсь неудачу) и полюбопытствовалъ, чѣмъ вызвана необыкновенно оригинальная идея выкрасить палатку въ зеленый цвѣтъ.

— Ахъ, эту нашу палатку,—отозвался почтенный капитанъ съ подвязанной щекой:—это, видите ли, мы хотѣли придумать такой цвѣтъ, чтобы палатка была незамѣтна среди окружающей мѣстности.

У капитана болѣли зубы, и очевидно ему было вовсе не до шутокъ. Но зато казачій офицеръ, сидѣвшій безъ мундира (его казачество замѣтно было по его лампасамъ), громко расхохотался и сказалъ, что навѣрно именно своимъ дикимъ цвѣтомъ палатка и приманила меня сюда...



Типы Манчжуріи. Китайцы: чиновникъ, купецъ и крестьянинъ. Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

бенное вниманіе. Этотъ предметъ имѣлъ форму пирамиды и находился въ долині на разстояніи около версты. Главное, чѣмъ онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе, это былъ его необыкновенно яркій зеленый цвѣтъ, и хотя онъ стоялъ среди травы, все же на фонѣ гармоничныхъ красокъ природы онъ рѣзко выдѣлялся и безпокойно зрѣло.

Такую пирамиду я въ первый разъ видѣлъ въ Манчжуріи, и несмотря на изнурительную жару захотѣлъ ее осмотрѣть поближе. Пришлось переходить рѣку въ бродъ. На другомъ берегу, какъ на зло, оказалось болото. Пробродивъ по разнымъ направленіямъ около подучаса, чтобы выбраться на твердую землю, я уже думалъ, что за рельефомъ мѣстности потеряю изъ вида интересную пирамиду, но когда дорога поднялась на пригорокъ, то зеленый предметъ опять засвѣтился, какъ фонарь, и неудержимо манилъ къ себѣ. Отдохнувъ минутъ десять, я удвоилъ шагъ и вскорѣ увидѣлъ, что недалеко отъ пирамиды раскинута нѣсколько палатокъ. Это было жалъ. Историческая пирамида теряла свою таинственность. Когда же я подошелъ совсемъ близко, то увидѣлъ, что это была обыкновенная палатка, выкрашенная въ зеленую краску. Оттуда доносились разговоры и смѣхъ. Около палатки стояли двѣ лошади, которыхъ держалъ казакъ. Обойдя со стороны, я увидѣлъ изъ-за приподнятаго полотнища группу офицеровъ, которые пили ромъ съ чаемъ.

Я сообразилъ, что если чистосердечно признаюсь въ этомъ, то пристыжу самихъ же изобрѣтателей, и рассказалъ, что держалъ путь вовсе не въ ихъ сторону, а попалъ сюда изъ-за палатки, причемъ долженъ былъ переходить рѣку въ бродъ, попасть въ болото и т. д. Но вмѣсто смущенія на лицахъ изобрѣтателей стала разливаться радостная улыбка и, въ концѣ концовъ, они расхохотались такимъ дружнымъ смѣхомъ, что я принужденъ былъ въ смущеніи замолчать.

Даже капитанъ съ зубной болью, держась рукой за подвязанную щеку, хохоталъ смѣхомъ, похожимъ на страдальческій стонъ. Ему бы ужъ совсемъ не слѣдовало, потому что онъ очевидно состоялъ въ числѣ изобрѣтателей.

Казачій офицеръ стучалъ кулакомъ по столу и во все горло кричалъ:

— Я такъ и зналъ! Я такъ и зналъ! Вѣдь я и самъ сюда попалъ изъ-за этой проклятой невидимой палатки. Вѣдь я ихъ въ первый разъ вижу! Чудный народъ! (Офицеръ хотѣлъ сказать: «чудный ромъ», но оговорился). И нисколько не жалю! Ей-Богу не жалю!.. Чудный ро... народъ!.. Господа, предложите же гостю чаю...

У меня отлегло отъ сердца... Не я одинъ попалъ на удочку остроумнаго изобрѣтенія.



1) Поручикъ Мумжиевъ. 2) Прапорщикъ Гейнце. 3) Поручикъ Почирскій. 4) Подпоручикъ Никольскій. 5) Поручикъ Сильвинъ. 6) Переодчикъ Акимаса Яги. 7) Лейтенантъ Ишару Юсикава. 8) Капитанъ Фризель. 9) Дѣлопроизводитель шт.-кап. Ивановъ. 10) шт.-кап. Прохоровичъ. 11) Подпор. Карбаниновъ. 12) Подпор. Левандовскій. 13) Подпор. Амбросовъ. 14) Японскій унтеръ-офицеръ. 15) Наша полковая дама Женя, дочь шт.-кап. Иванова, была ранена въ голову.

Группа 15 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, бывшаго въ Портъ-Артурѣ, теперь въ плѣну въ Японіи, въ г. Сизуока. По фот. авт. «Нивы».

— Скажи по правдѣ, — обратился казакъ уже на «ты» къ подвязанному капитану: — вѣдь вы это нарочно устроили, чтобы заманивать къ себѣ гостей?

— Совсе не для гостей, — отвѣтили сердито капитанъ, которому дѣйстви-тельно было совсѣмъ не до гостей: — а такъ... въ видѣ опыта...

Еще недѣлю необыкновенная палатка сіяла въ Айсанданской доли-нѣ, послѣ чего наступилъ періодъ дож-дей, и всѣ слѣды неудачнаго изобрѣ-тенія были смыты потоками манч-журскаго ливня.

...Итакъ, мы приближались къ во-докачкѣ станціи Сыпингай. Дорога отъ фронта позицій сворачивала вправо, т. е. къ югу, а хребтъ тя-нулся дальше на востокъ, пересѣкая желѣзнодорожную линію подъ пря-мымъ угломъ.

Сыпингай маленькая станція — ко-нечный пунктъ нашей теперешней дороги. Впрочемъ, въ послѣдніе дни приступлено къ продолженію линіи (которая при отступленіи была раз-рушена) далѣе на югъ. Линія аван-гарда находится значительно южнѣ этой станціи, южнѣ даже ст. Шуан-мяонзы, которая находится въ на-шихъ рукахъ.

Отъ Сыпингай отходитъ три поѣзда въ день и, кромѣ того, стоитъ такъ-называемый «головной» военный же-лѣзнодорожный поѣздъ съ солдатами для производства дорожныхъ работъ.

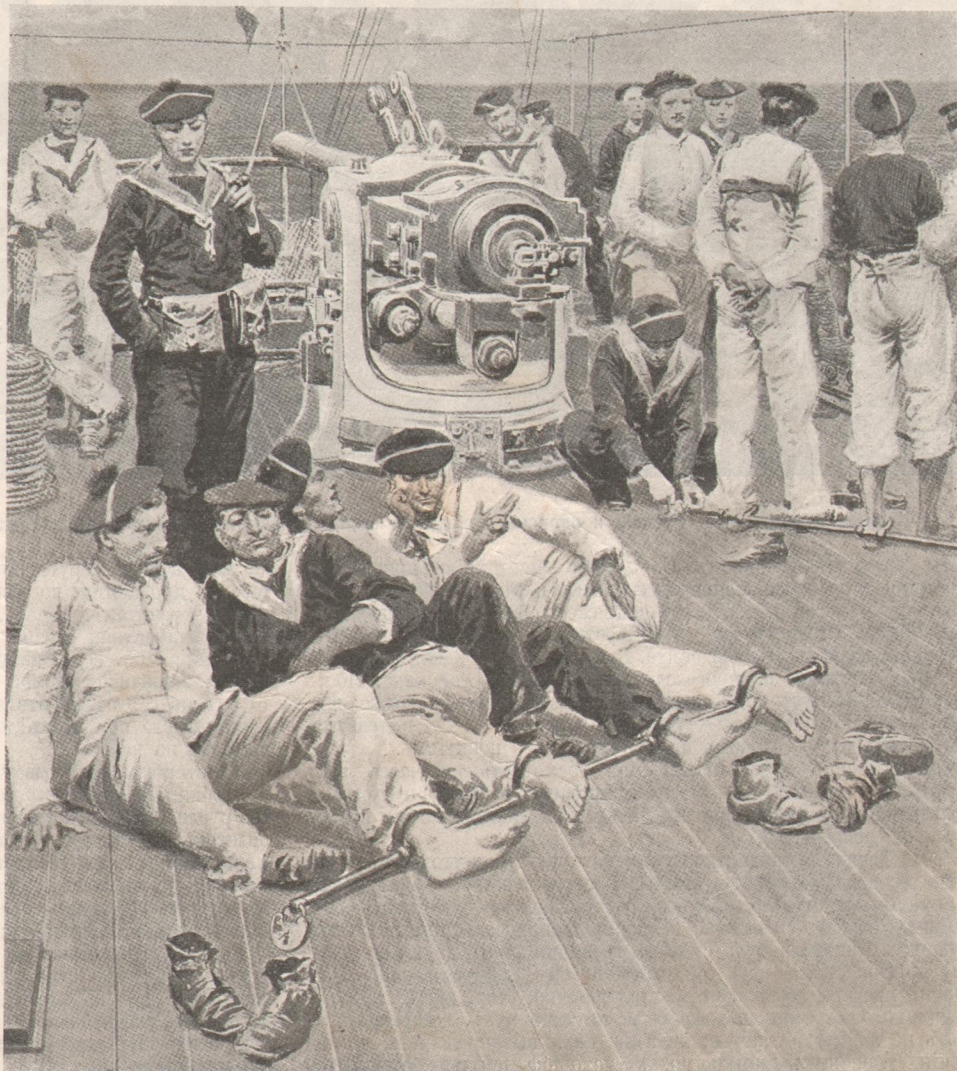
На станціи нѣтъ ни кассы, ни кон-тролеровъ. Офицеры, ѣдущіе на сѣ-веръ, садятся въ любой классный ва-гонъ (большую частью третьяго клас-са) или, если такого нѣтъ, то въ теп-лушку, и ѣдутъ спокойно до Гунжу-лина. Тамъ уже порядки мѣняются.

Въ Годзянѣ поѣздъ останавли-вается на нѣсколько часовъ. На от-дѣльной вѣткѣ здѣсь стоитъ поѣздъ главнокомандующаго. Онъ отдѣленъ отъ главной линіи небольшимъ про-дольнымъ хребтомъ, такъ что проѣз-

жающимъ поѣздамъ видны только два-три послѣдніе вагона. Въ крайнемъ ва-гонѣ-салонѣ съ зеркальными окнами со всѣхъ сторонъ можно часто видѣть си-дѣщаго главнокомандующаго въ обществѣ чиновъ своего штаба. Когда приходитъ съ сѣвера воинскій поѣздъ, главнокоман-дующій идетъ на станцію, чтобы по-здороваться съ молодыми солдатами и осмотрѣть ихъ. Онъ всегда скажетъ сол-датамъ нѣсколько одобрительныхъ словъ, понятныхъ и близкихъ солдатскому сердцу.

Въ поѣздѣ помѣщается штабъ главно-командующаго и лица болѣе или менѣе причастныя штабу. Тутъ же живетъ корреспондентъ одной петербургской га-зеты. Но близость къ штабу не всегда бываетъ гарантіей достовѣрности полу-чаемыхъ свѣдѣній. Этого самаго коррес-пондента я встрѣтилъ на станціи, соби-рающагося ѣхать въ Гунжулинъ къ полковнику Пестичу, который завѣдуетъ цензурой корреспонденцій. Подъ стро-жайшимъ секретомъ коллега сообщилъ мнѣ, что въ видахъ ожидаемаго переми-рія, N-ная дивизія приостановлена въ Пруктскѣ, о чемъ онъ сдѣлалъ по-слать телеграмму въ Петербургъ. Но къ удивленію нашему въ Гунжулинѣ мы встрѣтили эшелонъ какъ разъ этой ди-визіи, а дальше я встрѣчалъ эти эше-лоны вплоть до Харбина.

По другую сторону дороги тоже на отдѣльномъ тупикѣ стоитъ небольшой, но шикарный поѣздъ прусскаго принца Леопольда. Принцъ ведетъ жизнь чрез-вычайно регулярную. Въ определенное время и определенное число минутъ онъ



Дисциплинарное наказаніе на французскомъ всенномъ суднѣ. По рис. Ф. Матанія, авт. «Нивы».

выходит постоять на площадке вагона. Въ определенные часы прогуливается по платформѣ. Въ окна его вагона наши офицеры могут видѣть поучительный примѣръ самодѣтельности: принцъ самъ себя чистит сапоги и платье.

Выйдя изъ Годзяяня, поѣздъ черезъ полчаса приходитъ въ Гунжулинъ. Мы прибыли туда часа въ два дня, а такъ какъ поѣздъ идетъ на сѣверъ одинъ разъ въ сутки—въ 10 часовъ утра, то намъ приходилось здѣсь ночевать. Покуда нужно было подумать объ обѣдѣ. На станціи есть буфетъ, но тамъ до такой степени бываетъ полно офицерствомъ, что найти свободнаго мѣста нѣтъ возможности. За прилавкомъ буфета стоитъ хозяйка—молодая особа, на лицѣ которой написано, что она счастливѣйшая женщина въ мірѣ. И это понятно, такъ какъ во всемъ районѣ она единственная представительница своего пола, и глаза почти всѣхъ офицеровъ русской арміи (потому что Гунжулина и его буфета никакъ не минуешь) обращены на нее. Ради ея прекрасныхъ глазъ офицеры не очень настойчиво торопятъ китайскихъ «боекъ» и не жалуются, если супъ подается холоднымъ.

тѣмъ, что, опираясь на винтовку, онъ сначала вытаскивалъ изъ грязи ее, а потомъ ноги, и ни шагу не двигался впередъ.

Въ концѣ концовъ мы дошли до столовой безъ матеріальныхъ потерь, утѣшаясь мыслью, что могло быть гораздо хуже, потому что, судя по сообщенію «Харбинскаго Вѣстника», благоустройство Гунжулина стараніями мѣстной администраціи приведено въ наилучшее состояніе.

А что дѣйствительно состояніе дорогъ въ Манчуріи можетъ быть гораздо хуже, въ этомъ я убѣдился въ городѣ Маймакаѣ, гдѣ стоять части нашей второй арміи. Тутъ ужъ не просто «сырѣ», а весьма сырѣ. На главной улицѣ есть лужа, наполненная не водою, а густою жидкостью въ родѣ дегтя. Эту лужу охраняетъ специальный караулъ, и часовые посылаютъ и конныхъ и пѣшихъ въ обходъ другими улицами, потому что въ этой лужѣ потонули два китайца и одинъ быкъ.

Для тѣхъ, кто побывалъ въ Манчуріи во время войны, по возвращенію въ Россію будетъ съ непривычки казаться очень страннымъ, что бутылка пива стоитъ десять копеекъ, фунтъ хлѣба три копейки, обѣдъ въ ресторанѣ всего одинъ рубль, извозчики за



Передъ перемиріемъ. Русскіе и японскіе передовые посты пользуются однимъ источникомъ. Рис. Кеаймеса, авт. «Нивы».

Мы съ подполковникомъ С. однако лицемерію прекрасной буфетчицы предпочли исправныхъ боекъ и рѣшили пообѣдать въ офицерской столовой. Хотя это сопряжено было съ большими затрудненіями. Столовая находится противъ вокзала по другую сторону линіи, шагахъ въ пятидесяти. Вывѣска «офицерская столовая» заманчиво смотритъ на проголодавшаго путешественника. Но къ сожалѣнію наканунѣ шелъ дождичекъ и было довольно грязно, или, какъ выражаются солдаты—«сырѣ». Но надо знать, что подразумевается подъ этимъ словомъ по манчжурскимъ понятіямъ.

Мой спутникъ посоветовалъ мнѣ посмотрѣть на часы, такъ сказать съ научной плѣью, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, во сколько времени разстояніе въ пятьдесятъ шаговъ можно пройти по манчжурской грязи.

Послѣ десяти-пятнадцати шаговъ уже чувствуешь утомленіе, точно прошелъ нѣсколько верстъ. Чтобы переступить ногой, нужно сначала ее вытащить изъ глинистой грязи, которая всасываетъ, какъ насосъ.

Кое-гдѣ видѣлись калоши и опорки пѣшеходовъ, потерѣвшихъ крушеніе. Какіхъ-нибудь слѣдовъ тропинки нигдѣ не видно, а потому можно смѣло идти прямымъ путемъ. Впереди насъ и въ сторонѣ пробрались или отдыхали, конечно стоя, другіе путешественники. Они очень похожи были на тѣхъ мухъ, которыя попадаютъ на липкую бумагу и, не имѣя силъ вытащить ноги, въ отчаяніи трепещутъ крыльями. У человѣка крылья замѣняются руками, которыми онъ размахиваетъ для соблюденія равновѣсія.

Одинъ солдатъ въ полномъ снаряженіи неумоимо занимался

часовой конецъ берутъ не больше рубля, а табакъ, вина и прочіе товары продаются по тѣмъ же цѣнамъ, которыя показаны въ прейсъ-курантахъ. Теперь живя здѣсь, даже не вѣрится, что есть такая богатая страна.

Въ Харбинѣ, если съѣдешь на пристань часа на два на три и затѣмъ, вернувшись домой, спросишь у извозчика, что это стоитъ, то онъ съ гордостью отвѣчаетъ, что это стоитъ пятнадцать рублей. Гордость его при этомъ доходитъ до того, что онъ даже не спрашиваетъ отдѣленіи во время отступленія.

У петербургскаго извозчика не всегда бываетъ сдачи съ рубля, а харбинскій извозчикъ всегда съ готовностью размѣняетъ вамъ сто рублей, причемъ ужасно долго перебираетъ пачки кредитныхъ билетовъ, листы государственной ренты или другихъ новыхъ бумажекъ, которыя онъ таскаетъ съ собой—дома оставлять нельзя—ограбить, а въ банкъ простой народъ сдаетъ свои деньги неохотно, въ особенности послѣ гибели нѣсколькихъ сотъ тысячъ въ мукденскомъ отдѣленіи во время отступленія.

Когда мы добрались до офицерской столовой, у дверей которой услужливый бойка сталъ лопаточкой откапывать наши сапоги изъ глыбъ приставшей къ нимъ глины,—я посмотрѣлъ на часы. На дорогу мы употребили 25 минутъ т. е. въ минуту проходили ровно два шага. Приятно, когда научныя вычисленія получаются въ округленныхъ цифрахъ и не требуютъ головоломной работы.

Харбинъ.

В. Табуричь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

## А. Ө. Кони. (Портр. на стр. 749).

23 сентября исполнилось 40-летие служебной деятельности сенатора Анатолия Феодоровича Кони.

Блестящий оратор, замечательный судебный и общественный деятель и талантливый литератор, А. Ө. Кони, по справедливости, считается одним из самых выдающихся русских людей в настоящее время. Имя его окружено ореолом особого уважения, и трудно найти среди нас кого-либо, кому было бы неизвестно это имя.

Деятельность А. Ө. Кони удивительно многосторонняя и полная: благодаря своей исключительно широкой образованности и громадной эрудиции в самых разнообразных отраслях знания, не говоря уже о специальных юридических, А. Ө. Кони находит досуг и возможность посвящать себя многообразным и разносторонним трудам. Будучи поставлен, в качестве крупного судебного деятеля, в самый центр жизни, А. Ө. Кони живо интересуется всеми ее явлениями и всегда охотно откликается на них.

Рядом из крупных общественных дел обходится без его участия, а в настоящее время, в эпоху наступающего коренного переустройства русской жизни, участие А. Ө. Кони в общественной деятельности еще ярче и замечательнее, чем когда-либо.

Трудно характеризовать А. Ө. Кони одним каким-либо определением. Прежде всего, он, конечно, судебный деятель, тонкий и авторитетный знаток права и превосходный юрист, одинаково сильный, как в теории, так и в практике. Затем, в качестве судебного деятеля, А. Ө. Кони является первоклассным оратором. Ораторский талант его так ярок, что, пожалуй, играет даже доминирующую роль во всей деятельности А. Ө. Кони—прирожденный оратор—явление редкое у нас в России, где это искусство вообще сильно хромает.

Далее, А. Ө. Кони известен, как выдающийся деятель в сфере городского управления. Известен он также и как педагог, и не только потому, что своими речами и своим авторитетом в судебном деле он поучает и воспитывает судебную и адвокатскую молодежь, но и потому, что он обыкновенным порядком читает в одном из высших учебных заведений лекции. Наконец, А. Ө. Кони выступает весьма часто в роли писателя и, как автор «Доктора Газа» или статей о И. Ө. Горбуновѣ, князе Одоевском и др., он известен всякому грамотному человеку.

Анатолий Феодорович Кони родился 28 января 1844 года в С.-Петербурге. Первоначальное воспитание он получил в училищѣ св. Анны и во 2-й с.-петербургской гимназии. Из VI класса гимназии он прямо перешел, блестяще выдержав экзамен, в университет, избрав сначала математический факультет. Но в 1862 г. петербургский университет был закрыт, и Кони перешел в московский, и уже на этот раз не на математический, а на юридический факультет, при чем сразу поступил на II курс.

Окончив в 1865 году университет, А. Ө. Кони блестяще защитил диссертацию на тему «О правѣ необходимой обороны», а затем поступил на государственную службу—сначала в государственный контроль и в военное министерство (по юридической части), а с введением судебной реформы—в министерство юстиции.

Съ этого времени и началась плодотворная и блестящая, продолжающаяся поныне деятельность А. Ө. в рядах судебной магистратуры. Он вынес на своих плечах все 40 лет судебной реформы, был свидетелем ее расцвета и упадка, и в качестве члена комиссии для пересмотра судебных уставов (в более позднее время своей деятельности), горячо ратовал за сохранение судебной реформы в ее первоначальном чистом виде.

В течение своей долголетней судебной деятельности А. Ө. Кони занимал всевозможные должности по судебному ведомству. Начав со скромной должности помощника секретаря судебной палаты, он был затем товарищем прокурора и прокурором некоторых провинциальных окружных судов. В 1877 году он получил назначение на должность председателя с.-петербургского окружного суда, в 1881 году уже был председателем гражданского департамента с.-петербургской судебной палаты, а с 1891 года перенес свою деятельность в сенат, сначала в качестве сенатора уголовного кассационного департамента, а затем обер-прокурора того же департамента. В настоящее время А. Ө. Кони снова состоит сенатором в первом общем собрании сената, будучи, время от времени, назначаемым председателем или членом различных совещаний и комиссий. Так, он участвовал, как уже сказано, в комиссии для пересмотра судебных уставов, в комиссии по введению в действие нового уголовного уложения, а в самое последнее время—в известном совещании действительного тайного советника Кобеко, при чем был избран председателем юридической подкомиссии этого совещания.

Таким образом, в своей судебной деятельности А. Ө. Кони был и судьей, и прокурором, и администратором. В качестве судьи, он, по его собственным словам, вводил «доступные человеку в условиях времени и места великое начало справедливости в земные отношения». Как прокурор, он был «обвиняющим судьей, умевшим отличать преступление от несчастия, навѣть от правдиваго свидетельскаго показанія». Как администратор, он отличался глубоким знанием закона, тактом и энергией.

Общественная деятельность А. Ө. Кони (не считая обществен-

ной деятельности его, как юриста и судьи) началась тоже очень давно: так, еще в 1875 году он состоял членом совета управления учрежденной великой княгини Елены Павловны. Почти тогда же он участвовал в комиссии для исследования желѣзных дорог. Далее он состоял съ 1883 года членом общества психиатров, а съ 1895 года—товарищем председателя благотворительнаго общества судебного ведомства, в пользу котораго, между прочим, он прочел в 1898 году известную публичную лекцию объ И. Ө. Горбуновѣ. Кроме того, А. Ө. Кони состоял деятельным сотрудником в обществах вспомоществования студентам московскаго университета и попечения о семьях ссыльно-кааторжных. Наконец, в самое последнее время он принял живое участие в городском столичном самоуправлении, будучи избран гласным петербургской думы по Литейному участку.

Что касается литературно-научной деятельности А. Ө. Кони, то о ней свидѣтельствуеет огромное количество его рефератов, статей и монографій, помѣщавшихся в различных журналах и отчасти собранных в книгѣ «За послѣдніе годы». Из числа ихъ особенно выдаются рефераты «О судѣ присяжных и об условіяхъ его деятельности», «О задачахъ русскаго судебного-медицинскаго законодательства», «О врачебной тайнѣ», «О литературной экспертизѣ» и многие другіе. Но особый интерес въ обществѣ возбуждили известныя монографіи А. Ө. Кони о московскомъ филантропѣ докторѣ Гаазѣ, о князѣ Одоевскомъ, а затемъ обширный очеркъ жизни и творчества И. Ө. Горбунова, послужившій предисловіемъ къ изданію полнаго собранія сочиненій Горбунова. Въ 1896 году А. Ө. Кони написалъ превосходную біографію Д. А. Ровинскаго, въ 1903 году—очеркъ жизни и деятельности кн. В. А. Черкаскаго и этюдъ о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Въ 1902 году появились в печати интересная статья «Задачи судебной этики», а въ 1905 г.—«Свидѣтели на судѣ». Упомянемъ, наконецъ, и о второй большой книгѣ А. Ө. Кони—объ его «Судебныхъ рѣчахъ», вышедшихъ в 1905 году четвертымъ изданіемъ.

Размѣры нашей статьи не позволяютъ сдѣлать полного обзора всей разносторонней деятельности А. Ө. Кони. Все, о чемъ мы говорили и что перечисляли,—далеко не имѣетъ исчерпывающаго характера: все это лишь примѣрные указанія. Невозможно сразу охватить эту богатую и кипучую жизнь, полную самыхъ разнообразныхъ трудовъ. Но для русскаго общества особенно ясно и определенно вырисовывается исключительный обликъ А. Ө. Кони, какъ судебного оратора, и поэтому нельзя не сказать еще нѣсколько словъ исключительно по поводу его ораторскаго таланта.

А. Ө. Кони—философъ и психологъ въ области ораторскаго искусства. Его рѣчи отличаются высокимъ психологическимъ интересомъ, потому что онъ, какъ судья или прокуроръ, постоянно имѣя въ своихъ рѣчахъ дѣло съ живою человѣческой душою, съ ея страстями и побужденіями, всегда съ особеннымъ стараніемъ изслѣдуетъ внутреннюю жизнь своего объекта, его характеръ и наклонности. Въ огромномъ рядѣ своихъ обвинительныхъ рѣчей, предсѣдательскихъ резюме и оберъ-прокурорскихъ заключеній, А. Ө. Кони даетъ множество самыхъ разнообразныхъ портретовъ, поражающихъ своей глубиной и художественной законченностью. Въ такихъ дѣлахъ, какъ процессы мурганскихъ вотяковъ, кн. Мещерскаго, Маргариты Южана, Солодовникова, Протопопова, Колосова и многихъ другихъ, А. Ө. Кони создалъ цѣлую галлерею психологическихъ типовъ, очерчивая нѣсколькими живыми чертами какой-либо портретъ и сразу давая этимъ чертамъ средство и способъ къ уразумѣнію дѣйствій и поступковъ изображаемаго лица.

Рѣчи А. Ө. Кони всегда просты и совершенно чужды риторическихъ украшеній, но зато вь нихъ чувствуется художественная мѣра и редкая красота построения и изложения. По словамъ К. К. Арсеньева, у Кони даръ психологическаго анализа соединенъ съ темпераментомъ художника; поэтому онъ съ такимъ художественнымъ тактомъ распоряжается своимъ обильнымъ матеріаломъ. Чувство художественнаго такта и художественной мѣры у А. Ө. Кони гармонируетъ въ то же время съ чувствомъ мѣры вь его темпераментѣ: онъ никогда не вьдается въ ожесточеніе, страстность, рѣзкость тона, но всегда удивительно сдержанъ и умѣренъ вь своихъ рѣчахъ, хотя эта сдержанность тона нѣсколько не исключаетъ ни тонкой ироніи, ни искренняго высокаго паюса...

Образы, сравненія, обобщенія и мѣткія замѣчания всегда изобилуютъ вь его рѣчахъ и придаютъ имъ удивительную жизнь и красоту. И вотъ, вслѣдствіе этой художественной красоты рѣчей А. Ө. Кони, вслѣдствіе ихъ тонкой обработки, а также и глубокаго ихъ содержания и значенія, всѣ мы по справедливости считаемъ А. Ө. Кони самымъ выдающимся изъ нашихъ современныхъ ораторовъ. Тѣ же качества свойственны А. Ө. Кони и какъ писателю, но вь его рѣчахъ живое слово дѣйствуетъ, конечно, еще сильнѣе и глубже.

Дай же Богъ, чтобы долгіе годы его плодотворной деятельности, не оставивши на его деятельности ни единаяго слѣда утомленія, прошли незамѣтно и вь будущемъ для его бодрости, и чтобы вь грядущей общенародной работѣ А. Ө. Кони занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Наступаетъ время, когда на трудовой праздникъ обновленія Россіи будутъ призваны избраннѣйшіе гости. И мы убѣждены, что однимъ изъ достойнѣйшихъ избранниковъ на этотъ праздникъ будетъ призванъ непременно и А. Ө. Кони, и что онъ явится туда въ блестящей «брачной одеждѣ» своего ума, энергіи и таланта.



Полков. генеральнаго штаба  
Б. В. Андреевъ, скончавшя  
вследствие ранъ, полученной  
при дер. Сумат.



Врачъ Б. А. Бергеновъ, погибшій  
вместѣ съ бригадою съемъ. Инте-  
раторъ Александръ III въ Цусим-  
скомъ бою.



Ротмистръ Б. А. Клязь, ране-  
ный въ грудь на вылетѣ въ бою  
при Шахъ.



Кап. 213 Орожайскаго пѣх. полка Б. Ф.  
Гепель, ран., остался на полѣ сраже-  
нія въ дер. Шюлаши въ Мукденскомъ  
бою 19 фев.; пропалъ безъ вѣсти.



Капитанъ 26 Вост.-Сиб. стр. пол-  
ка Романовъ, раненый и конту-  
ренный при бомбардировкѣ укрѣ-  
пленія № 3 въ Портъ-Артуръ.



Капитанъ 35 Ерянскаго пѣх. пол-  
ка С. А. Звенбахъ, контуженный  
подъ Ляояномъ и раненый у  
Шахъ.



Лейтенантъ С. М. Рославлевъ,  
погибшій 14 мая на транспортѣ  
„Намчатка“ въ Цусимскомъ бою.



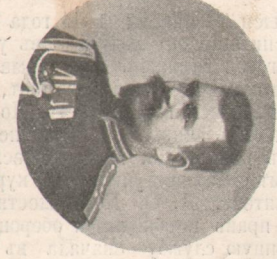
Шт.-капит. 22 Вост.-Сиб. стр.  
полка А. А. Качаловъ, убитъ  
18 фев. при дер. Маданъ на  
при занятія Ключевой сопки.



Штабсъ-капитанъ В. К. Валедицкій,  
заслужившій отечественными набо-  
рами широкую известность въ  
арміи.



Штабсъ-капитанъ 124 Воронеж-  
скаго пѣхотнаго полка А. И.  
Есауловъ, контуженный въ бою  
подъ Мукденомъ.



Штабсъ-капитанъ 33 Елецкаго  
пѣх. полка И. Я. Калининъ, ране-  
ный въ бою при дер. Мадану  
20 февраля 1905 г.



Поручикъ 147 Самарскаго пѣх.  
полка В. И. Петровъ, ране-  
ный въ бою подъ Мукде-  
номъ.



Пор. 15 Вост.-Сиб. стр. полка Ф. З.  
Амбросовъ, ран. въ ноги въ Портъ-  
Артуръ, въ наступившее время на-  
ходится въ плену въ гор. Маданъ.



Пор. 13 Вост.-Сиб. стр. полка С. Н. Ермаковъ,  
сильн. за защиту Портъ-Артура награж. орд.  
св. Анны 3 ст. и св. Станислава 3 и 2 ст.;  
умеръ отъ ранъ, получен. на Угловои горѣ.



Поручикъ 288 Муниковскаго пѣх.  
полка К. И. Ибнъ, убитъ подъ  
Мукденомъ.



Поручикъ 16 Вост.-Сиб. стр. пол-  
ка Г. А. Дыкошъ, скончавшійся  
отъ ранъ, полученныхъ при за-  
щитѣ Портъ-Артура.



Хорунжий 1 Оренбургскаго ка-  
валерійскаго полка И. Н. Лосевъ, ра-  
неный въ бою на вылетѣ 25 фе-  
вря подъ Мукденомъ.



Подпоручикъ 34 Свѣскаго пѣх.  
полка А. О. Гомалъ 2-й, убитый  
на Сюкяинскомъ перевалѣ  
5 іюня 1904 г.



Подпоручикъ 13 Вост.-Сиб. стр.  
полка М. Г. Поповъ, убитый миной  
Уайтхеда при защитѣ Портъ-  
Артура.



Подпоручикъ 10 Омскаго пѣх.  
полка А. А. Зоборовскій, убитый въ  
бою подъ Мукденомъ.



Подпоручикъ 97 Лифляндскаго  
пѣх. полка Ф. А. Де-Виттъ, скон-  
чался отъ ранъ, полученныхъ въ  
бою подъ Мукденомъ.



Подпоручикъ 57 Молдинскаго пѣх.  
полка В. В. Дихачевъ, раненый  
съ бою подъ Сандану 16 фе-  
вря 1905 г.



Подпоручикъ 35 Вост.-Сиб. стр.  
полка А. Н. Альбемингъ, ране-  
ный въ бою при дер. Хелотай



Подпоручикъ 55 Подольскаго пѣх.  
полка И. В. Черный, пропалъ безъ  
вѣсти въ бою подъ Мукденомъ.



Подпоручикъ 138 Богховскаго пѣх.  
полка С. В. Иванченко, раненый въ  
бою подъ Мукденомъ; находится  
въ плену въ гор. Фуокъ.



Прaporщикъ 53 Волынскаго пѣх.  
полка П. Н. Кутко, раненый въ  
бою подъ Мукденомъ.



Доброволецъ Георгій Аixa-  
зовъ, раненый сразу 3-мя  
пулями въ бою подъ Мукде-  
номъ.



Студентъ-медикъ В. П. Гайдуковъ,  
поступив. добров. въ 138 Богховскаго  
пѣх. полка, ран. въ бою подъ Шахъ и  
награжденъ орд. св. Георгія 4 ст.



## Сѣмена разногласій въ порт-смутскомъ соглашеніи.

(Политическое обозрѣніе).

Народное движеніе въ Японіи вынудило токійское правительство официально огласить нѣкоторые пункты договора, о которомъ вся русская печать до сихъ поръ имѣетъ только неясныя неофициальныя свѣдѣнія, исходившія отъ нашихъ уполномоченныхъ.

Между русскими неофициальными и японскими официальными источниками сразу обнаружилось рѣзкое разногласіе.

Мы считали, напр., Лаперузовъ проливъ, по условію мирнаго договора, открытымъ для плаванія, а возведеніе какихъ бы то ни было укрѣпленій на Сахалинѣ противорѣчащимъ взаимнымъ обязательствамъ сторонъ; между тѣмъ японскій министр-президентъ графъ Котура въ отчетѣ о договорѣ, прочитанномъ на собраніи представителей всѣхъ оппозиціонныхъ партій, въ видахъ успокоенія страны, формально заявилъ, будто бы Японія считаетъ себя въ правѣ укрѣплять



Новый варшавскій генераль-губернаторъ, генерал-лейтенантъ, генераль-адъютантъ Г. А. Скалонъ.  
По фот. авт. «Нивы».

огня, ни въ какомъ случаѣ и ни при какомъ толкованіи не выйдетъ съ обязательствомъ оставить его открытымъ. Никто въ мірѣ не говоритъ о Дарданелахъ, какъ объ открытомъ проливѣ, потому что каждое судно, проходящее подъ дулами перекрещивающихся береговыхъ орудій, можетъ быть моментально обращено въ щепки и не выпущено въ море. Постройка береговыхъ батарей даетъ право въ любой моментъ фактически совершенно закрыть проливъ и нарушаетъ всякія гарантіи дѣйствительно свободнаго плаванія. Закрытіе послѣдняго, оставшагося свободнымъ, выхода изъ Японскаго моря въ Тихій океанъ лишаетъ Россію доступа къ дешевымъ мировымъ путямъ морскихъ сообщеній, превращаетъ ее въ безнадежно-континентальную державу, обрекаетъ на вѣчный застои развитіе ея морского торговаго флота и, слѣдовательно, будетъ страшно тормозить естественный ростъ промышленной силы государства. Съ горькимъ чувствомъ соглашалась Россія на уступку части Сахалина, какъ территоріи слишкомъ отдаленной и не имѣвшей для великой континентальной страны большого значенія и, въ то же время, кровно-необходимой для страдающей избыткомъ населенія Японіи, но едва ли наши уполномоченные изъясляли свое согласіе на устройство новыхъ Дарданель на Дальнемъ Востоцѣ, едва ли они сознательно отказывались отъ права Россіи дать свободный выходъ въ океанъ товарамъ, доставляемымъ великой сибирской магистралью. Такая уступка принесла бы неисчислимый матеріальный ущербъ странѣ, она сдѣлала бы почти потерянными всѣ наши затраты на постройку сибирской рельсовой стѣи. Очевидно, заявленіе графа Котуры построено на какомъ-нибудь глубокомъ недоразумѣніи.

Еще непонятнѣе разногласіе между русскими и японскими версиями договора относительно манчжурской желѣзной дороги. Хотя послѣдняя и представляетъ собою формально собственность частнаго общества, тѣмъ не менѣе по мирному соглашенію южный отръзокъ ея уступленъ Японіи. По свѣдѣніямъ, распространи-



Лазаретъ больныхъ и раненыхъ воиновъ въ Ригѣ. Столовая.  
По фот. М. И. Иванова, авт. «Нивы».

берега Лаперузова пролива съ тѣмъ лишь единственнымъ условіемъ, чтобы онъ оставался открытымъ. Надо надѣяться, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ какимъ-нибудь недоразумѣніемъ или же съ явнымъ злоупотребленіемъ недостаточно точной редакціи договора. Разъ обѣ стороны обязались не возводить никакихъ военныхъ укрѣпленій на раздѣленномъ между ними островѣ, то, уже въ силу одного этого обязательства, японцы лишаются права возводить какія бы то ни было укрѣпленія и на сахалинскомъ берегу Лаперузова пролива. Возведеніе укрѣпленій, закрывающихъ проходъ черезъ проливъ линією артиллерійскаго



Лазаретъ больныхъ и раненыхъ воиновъ въ Ригѣ. Палата лазарета. По фот. М. И. Иванова, авт. «Нивы».

шимся через посредство отъ русской миссии въ Портсмутѣ, крайнюю сѣверную точку японскаго отрезка считалась станція Чантуфу, но графъ Коцура самовольно передвинулъ ее на 115

вся армія маршала Оямы. Положимъ, иногда дипломатамъ удается дѣлать большія завоеванія, чѣмъ войнами, но мы надѣемся, что графъ Коцура сдѣлалъ еще большее завоеваніе, чѣмъ это удалось барону Комурѣ. Выгоды, полученныя Японіею, и безъ того столь громадны и существенны, что даже революціонные протесты японской толпы противъ мирнаго договора многимъ въ Европѣ начинаютъ казаться въ высшей степени подозрительными. Въ комедіи разрушенія полицейскихъ будокъ и двухдневнаго запрещенія оппозиціонныхъ газетъ, во всемъ этомъ «бурномъ» движеніи, вызвавшемъ «успокоительныя признанія» графа Коцуры, не имѣемъ ли мы дѣло съ тройной дипломатической игрой, рассчитанной на вымогательство дальнѣйшихъ уступокъ со стороны Россіи? Совершивъ выгодную покушку, не надѣется ли японская тройная дипломатія сдѣлать ее еще болѣе выгодной путемъ маленькихъ обмѣровъ и обмѣсовъ редакціоннаго характера? Россія хотѣла не худого, а хорошаго и прочнаго мира, и, если портсмутскій договоръ окажется для нея слишкомъ ужъ убыточнымъ, то сильная, вѣрующая въ свое призваніе нація на него взглянетъ какъ на временное перемиріе, открывающее новую эру напряженной борьбы. Во имя гуманности и чело-вѣколюбія нужно желать, чтобы портсмутскій договоръ не заключалъ въ себѣ зародышей распада и взаимнаго недовольства и чтобы онъ обезпечилъ обѣимъ націямъ, которымъ предстоить отнынѣ жить въ близкомъ сосѣдствѣ, путь къ внутреннему согласію и сближенію.

### Цѣпная желѣзная дорога на гору св. Давида въ Тифлисъ. (Съ 3 рис. на стр. 759).

Въ Тифлисъ, весной этого года, состоялось открытіе электрической желѣзной дороги на гору св. Давида.

Это замѣчательное сооруженіе, устроенное по образцу знаменитыхъ заграничныхъ «фюникюларовъ» (на Везувій, на множество швейцарскихъ высотъ и т. п.), является первымъ въ Россіи по своему протяженію и грандіозности постройки. Нѣчто подобное существуетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ (кремлевскій элеваторъ), но тамошній фюникюляръ не можетъ и сравниться съ цѣпной дорогою на гору св. Давида въ Тифлисъ.

Тифлисскій фюникюляръ соединяетъ Тифлисъ съ его предмѣстьемъ — посадомъ Коджоры, и имѣетъ протяженіе въ девять верстъ. Изъ этого разстоянія, собственно на подъемъ приходится, впрочемъ, лишь 425 метровъ, т. е. около  $\frac{1}{3}$  версты; остальная же часть пути идетъ по ровной вершинѣ горы св. Давида. Верхняя станція фюникюляра находится на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря (2.200 футовъ), и поэтому съ нея открывается прекрасный видъ на окрестности; тутъ, на вершинѣ, сравнительно прохладно, и если осуществится предполагаемое устройство курорта на этомъ мѣстѣ, то жители Тифлиса будутъ имѣть возможность спасаться здѣсь отъ лѣтнихъ жаровъ и дышать свѣжимъ горнымъ воздухомъ. Весь путь по уклону горы тянется на 485 метровъ. Уклонъ колеблется между 49° и 60°. Путь одноклейный, въ 1 метръ шириною.

На срединѣ пути устроенъ виадукъ (мостъ) въ 80 метровъ длиною, на которомъ сдѣланъ разъѣздъ съ платформою (близъ монастыря св. Давида). Виадукъ этотъ самъ по себѣ представляетъ солидное сооруженіе со своими десятью двойными устоями на аркахъ.

Фюникюляръ обслуживается двумя вагонами, рассчитанными на 52 человека каждый. Вагоны приводятся въ движеніе электричествомъ, для каковой цѣли на верхней станціи помѣщенъ электромоторъ въ 96 лошадиныхъ силъ. Подъемъ и спускъ вагоновъ производится при помощи массивнаго стального каната, вращающагося на блокѣ, при чемъ оба вагона приходятъ въ движеніе одновременно: одинъ поднимается, другой спускается.

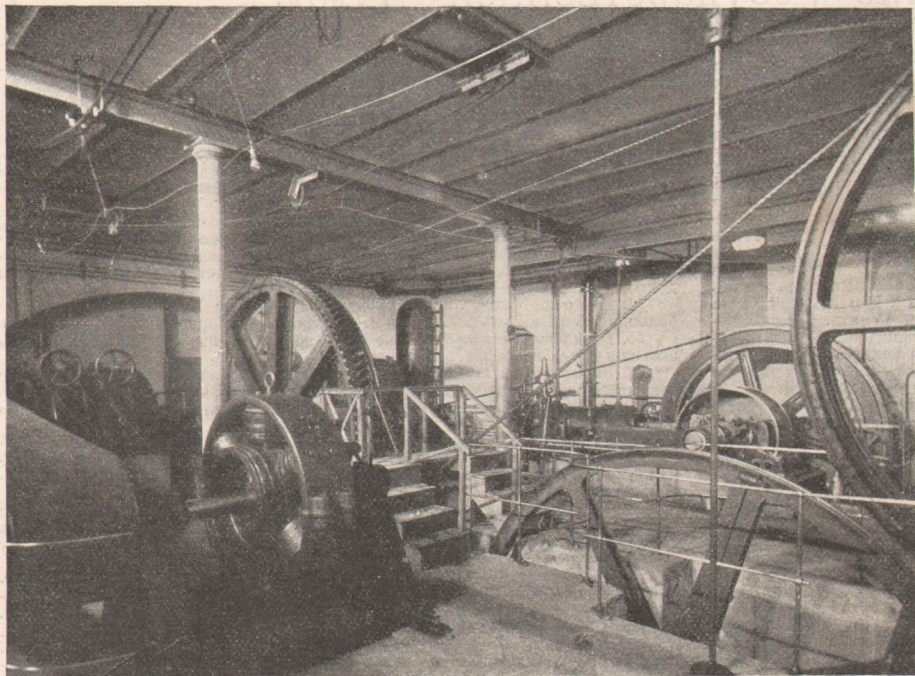
Заслуживаетъ вниманія остроумная система тормозовъ, устраняющая всякую возможность несчастія. Каждый вагонъ, помимо ручнаго тормоза, снабженъ двумя автоматическими приборами, которые, въ случаѣ разрыва каната, силою собственной тяжести падаютъ на рельсы и стискиваютъ ихъ какъ клещами. И чѣмъ тяжелѣе нагруженъ вагонъ, чѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ эти тиски.

Машинный залъ, гдѣ находится динамо машина и другіе приборы, помѣщается въ подвальномъ этажѣ верхней станціи и представляетъ

Первый выпускъ сестеръ милосердія Хирургической Общины проф. Пирогова, находящейся на Дальнемъ Востокѣ. По фот. авт. «Пинна».



вереть сѣвернѣе. Глава японскаго кабинета на этотъ разъ, повидимому, слишкомъ увлекся и зашелъ черезчуръ ужъ далеко. Онъ отнялъ отъ насъ гораздо больше, чѣмъ была въ силахъ отнять



Цѣпная желѣзная дорога въ Тифлисъ. Машинный залъ съ динамомашинами. По фот. Г. Ольшанскаго, авт. «Нивы».

особый интересъ въ томъ отношеніи, что онъ высѣченъ цѣпкомъ въ скалѣ. Въ первомъ этажѣ верхней станціи, надъ машиннымъ отдѣленіемъ, помѣщается пассажирскій залъ, а во второмъ—ресторанъ.

Фуникулеръ сооруженъ по проекту французскаго инженера А. Блашъ и обошелся въ 280.000 рублей. Постройка его велась почти два года: съ сентября 1903 года по мартъ 1905 г.

Въ настоящее время фуникулеръ пользуется, разумѣется, огромнымъ успѣхомъ у жителей Тифлиса и служитъ одною изъ городскихъ достопримѣчательностей, которыми такъ богата древняя столица Грузіи.

### Лазаретъ больныхъ и раненыхъ воиновъ въ г. Ригѣ.

(Съ 2 рис. на стр. 757).

Въ средѣ рижскаго православнаго духовенства въ недавнее время возникла прекрасная мысль, помочь возвращающимся съ Дальняго Востока увѣчнымъ

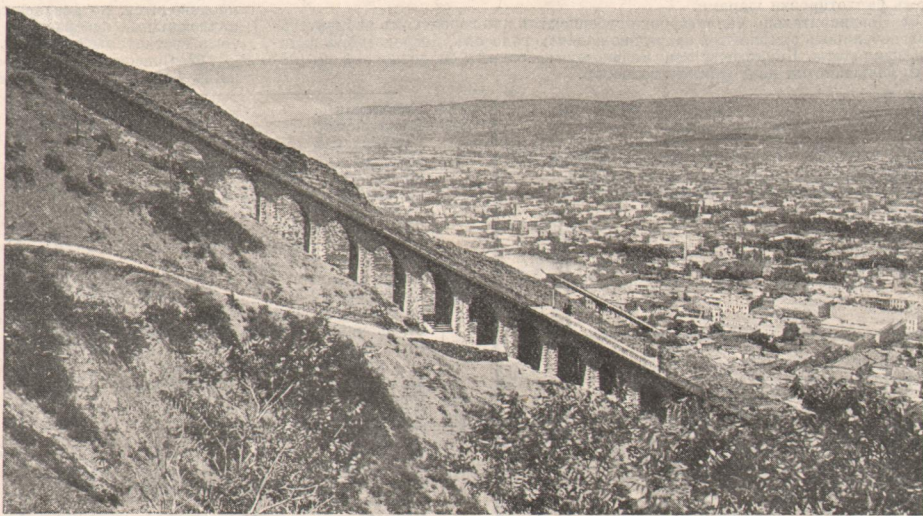
и больнымъ воинамъ устройеніемъ для нихъ лазарета. Эта мысль была подхвачена и большинствомъ православныхъ прихожанъ—и, въ теченіе довольно короткаго времени, духовенство и прихожане г. Риги собрали достаточное количество средствъ и сумѣли организовать прекрасный госпиталь на 30 кроватей. Жертвовали на это святое дѣло и нѣкоторые другіи первыи рижской епархіи.

Изъ числа 30 кроватей, въ госпиталѣ одна кровать (первая по времени) учреждена главнымъ инициаторомъ этого добраго дѣла, высокопреосвященнымъ Ага-ангеломъ, архіепископомъ рижскимъ и митавскимъ. Остальныя кровати учредили частныя лица, а также кружокъ дамъ рижскаго учебнаго округа.

Лазаретъ помѣщается въ зданіи богадѣльни Ѳ. М. Садовникова, окруженъ густымъ садомъ и отличается полнымъ благоустройствомъ, такъ что пансіонеры лазарета пользуются настоящимъ комфортомъ.

### СМѢСЬ.

Столкновеніе кита съ телеграфнымъ кабелемъ.—Въ Америкѣ, на полуостровѣ Аляскѣ, между Ситкой и Валдець, недавно произошла чрезвычайно оригинальная катастрофа съ подводнымъ кабелемъ: онъ потерпѣлъ поврежденіе отъ



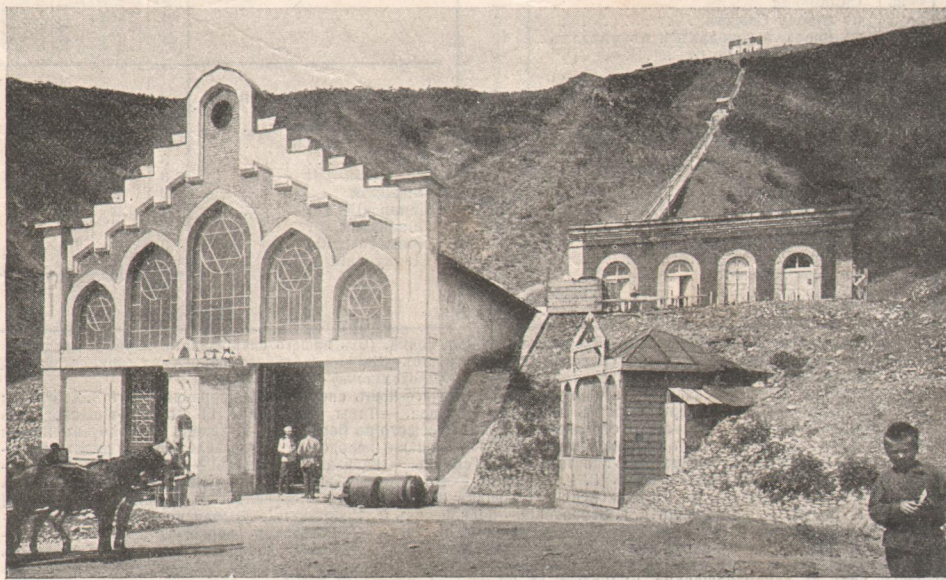
Цѣпная желѣзная дорога въ Тифлисъ. Виадукъ въ 80 метровъ длины.

По фот. Г. Ольшанскаго, авт. «Нивы».

столкновенія съ китомъ. Кабель былъ впервые положенъ въ этомъ мѣстѣ, незадолго до событія, и въ теченіе мѣсяца функционировалъ вполне правильно, но потомъ вдругъ отказался служить.

Сначала полагали, что кабель какимъ-либо образомъ зацѣпился о подводную скалу, но когда кабель, послѣ долгихъ хлопотъ и затрудненій, вытащили на поверхность моря, то вмѣстѣ съ нимъ былъ вытасченъ трупъ огромнаго кита, длиною до 50 футовъ.

По всѣмъ признакамъ, произошло это такъ: китъ шлепъ съ раскрытой пастью, глотая добычу, и нечаянно наплылъ на кабель, который, вслѣдствіе неровности морскаго дна, частью висѣлъ въ пространствѣ. Такимъ образомъ, кабель застрялъ у кита въ челюстяхъ. Морское чудовище, такъ и не могло вырваться на свободу и, въ концѣ концовъ, погибло въ цѣпкихъ объятіяхъ крѣпкаго стального каната.



Цѣпная желѣзная дорога въ Тифлисъ. Нижняя станція ж. д. По фот. Г. Ольшанскаго, авт. «Нивы».

Учреждение Государственной Думы.

(Продолжение).

45. В трехдневный срок со дня закрытия съездов и избирательных комиссий заинтересованные лица могут подавать жалобы...

46. По обозрѣннѣ выборнаго производства и разсмотрѣннѣ принесенныхъ жалобъ, уѣздная или губернская комиссия...

47. В трехдневный срок со дня объявления постановления уѣздной или губернской по дѣламъ о выборахъ комиссiи...

48. Списки выборщиковъ въ губернская избирательныя собранія составляются уѣздною по дѣламъ о выборахъ комиссiею...

2) О производствѣ выборовъ въ Государственную Думу.

49. В каждомъ губерномъ избирательномъ собраніи прежде всего выборщики отъ съездовъ уполномоченныхъ отъ волостей...

50. Городекія избирательныя собранія (ст. 5) избираютъ изъ числа имѣющихъ право участія въ нихъ выборщиковъ...

51. Предварительно баллотировки губерскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ отмѣчаются закрытою подачею голосовъ...

52. Если число лицъ, получившихъ въ губерскомъ или городскомъ избирательномъ собраніи болѣе половины голосовъ...

53. В члены Государственной Думы могутъ быть избираемы только лица, изъявившія на то свое согласіе.

54. Никто не можетъ баллотироваться въ члены Государственной Думы болѣе чѣмъ въ одномъ избирательномъ собраніи...

55. В члены Государственной Думы не могутъ быть избираемы лица, не знающія русскаго языка.

56. По окончании выборовъ губерския и городскія избирательныя собранія закрываются. Не позднѣе стѣдующаго дня все выборное производство...

57. Трехдневный срокъ со дня закрытія избирательнаго собранія заинтересованные лица могутъ подавать губернатору или градоначальнику...

58. Выборное производство, съ принесенными на выборы жалобами и объясненіями по онымъ председателями избирательныхъ собраній...

59. По обозрѣннѣ выборнаго производства и разсмотрѣннѣ принесенныхъ жалобъ, Правительство Сенатъ, если усмотритъ къ тому основанія...

60. Указанія въ предшедшей (59) статьѣ дѣла разрѣшаются въ первомъ департаментѣ Правительствующаго Сената окончательнѣю...

61. Вслучаѣ отгѣны выборовъ Правительствующимъ Сенатомъ, а равно въ случаѣ выбытія члена Государственной Думы изъ ея состава...

62. Спискомъ членовъ Государственной Думы составляется Правительство Сенатомъ и публикуется имъ во всеобщее свѣдѣніе.

Приложение къ статьѣ 2.

РОСПИСАНІЕ числа членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ.

Table with 2 columns: Gubernii, oblasti i goroda; and Chislo chlenov Gosudarstvennoy Dumy. Lists 16 gubernii and their corresponding number of members.

Table with 2 columns: Gubernii, oblasti i goroda; and Chislo chlenov Gosudarstvennoy Dumy. Lists 20 gubernii and their corresponding number of members.

Table with 2 columns: Gubernii, oblasti i goroda; and Chislo chlenov Gosudarstvennoy Dumy. Lists 5 gubernii and their corresponding number of members.

Приложение къ статьѣ 4.

РОСПИСАНІЕ числа губерскихъ выборщиковъ.

Table with 3 columns: Naименованіе губерній и уѣздовъ; Число выборщиковъ отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей; and Число избирателей отъ сѣзда землевладельцевъ. Lists 1 gubernii and their corresponding number of members.

(Продолженіе будетъ).

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Испорченная натура. Повесть кн. М. В. Волконской. (Продолженіе). — На войнѣ. (Отъ нашего спеціального корреспондента). — А. Ф. Кони. — Смена разногласій въ португальскомъ соглашеніи. (Политическое обозрѣніе). — Цѣпная желѣзная дорога на гору св. Давида въ Тифлидѣ. — Лазаретъ больныхъ и раненыхъ воиновъ въ г. Ригѣ. — Смѣсь. — Учрежденіе Государственной Думы. (Продолженіе). — Объясненія. — РИСУНКИ: Материнская любовь. — Все разбито. — Крестьянки. — Паркъ осенью. — Анатолий Ѳедоровичъ Кони. — Нашъ спеціальный корреспондентъ В. Табуринъ: 1) На передовой позиціи. 2) Въ окопахъ на передовыхъ позиціяхъ. — 3-й Сиб. арт. корпусъ генерала Иванова. — Типы Манчжуріи. 1) Старикъ-предсказатель будущего. 2) Китайцы: чиновникъ, купецъ и крестьянинъ. — Группа 15 Восточно-Сибирскаго стрѣльцоваго полка, бывшаго въ Портъ-Артурѣ, теперь въ плѣну въ Ягонии въ Сидзуоки. — Дисциплинарное наказаніе на французскомъ военномъ суднѣ. — Перель переміриемъ. Русскіе и японскіе передовые посты пользуются димитъ источникомъ. — Полковникъ Б. В. Андреевъ. — Врачъ Б. А. Бертенсонъ. — Ротмистръ Б. А. Краузе. — Капитанъ С. Ѳ. Геппенъ. — Капитанъ Романовъ. — Капитанъ С. А. Звенибахъ. — Лейтенантъ С. М. Росладевъ. — Штабсъ-капитанъ А. А. Началовъ. — Штабсъ-капитанъ В. Н. Вадечикъ. — Штабсъ-капитанъ А. Е. Есауловъ. — Штабсъ-капитанъ И. Я. Калининъ. — Поручикъ В. М. Петровъ. — Поручикъ Ф. З. Амбросіевъ. — Поручикъ С. Н. Ермаковский. — Поручикъ Н. Ив. Ильинъ. — Поручикъ Г. А. Лыкошинъ. — Хорунжій И. Н. Лосевъ. — Подпоручикъ А. О. Гомаль 2-й. — Подпоручикъ М. Г. Поповъ. — Подпоручикъ А. А. Зборовскій. — Подпоручикъ Ѳ. А. Де-Виттъ. — Подпоручикъ В. В. Лихачевъ. — Подпоручикъ А. Н. Альмедингенъ. — Подпоручикъ И. В. Черный. — Подпоручикъ С. В. Иеанченко. — Прапорщикъ П. Н. Кухто. — Доброволецъ Георгій Алхазовъ. — Студентъ-медики В. П. Гаидебуровъ. — Новый варшавскій генераль-губернаторъ генераль-лейтенантъ генераль-адъютантъ Г. А. Скалонъ. — Лазаретъ больныхъ и раненыхъ воиновъ въ г. Ригѣ: 1) Столовая. 2) Палата лазарета. — Первый выпускъ сестеръ милосердія Хирургической Общины профессора Пирогова, находящіяся на Дальнемъ Востокѣ. — Цѣпная желѣзная дорога въ Тифлидѣ: 1) Машинный залъ съ динамомашинами. 2) Виадукъ въ 80 метровъ длины. 3) Нижняя станція жел. дороги. — Къ этому № прилагается: „Полное собраніе сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 42.